

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.В. ЕРЁМИН

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
1941–1945 гг.:
БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ**

Учебное пособие

Санкт-Петербург
2025

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.В. ЕРЁМИН

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
1941–1945 гг.:
БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ

Учебное пособие

Санкт-Петербург
2025

УДК 94(47).084.8(075)
ББК 63.3(2)я73
Е70

Рецензенты

А.А. ДОРСКАЯ – заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор.

Н.В. ЕРЁМИНА – профессор факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор политических наук, профессор.

Ерёмин, А.В.

Е70 Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: без срока давности : учебное пособие / А.В. Ерёмин. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2025. – 74, [2] с.
ISBN 978-5-6051509-5-4

В учебном пособии на основе исторических документов и научной литературы рассматриваются идеологические и институциональные основы нацистского оккупационного режима, его преступления в ходе Великой Отечественной войны и наказание виновных.

Учебное пособие предназначено для обучающихся по программам высшего образования по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки 40.00.00 Юриспруденция.

УДК 94(47).084.8(075)
ББК 63.3(2)я73

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
<i>Глава 1. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО НАРОДА НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....</i>	<i>13</i>
<i>Глава 2. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ НА ОККУПИРОВАННЫХ ГЕРМАНИЕЙ ТЕРРИТОРИЯХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР.....</i>	<i>25</i>
<i>Глава 3. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ, ЕЕ РОЛЬ В МЕХАНИЗМЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....</i>	<i>44</i>
<i>Глава 4. ИТОГИ И УРОКИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛОВ НАД ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ.....</i>	<i>61</i>
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	69
ЛИТЕРАТУРА.....	70

ВВЕДЕНИЕ

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. – одна из важнейших страниц в истории России, событие, которое определило судьбу советского народа и государства и до сих пор имеет значение для национальной идентификации россиян. С течением времени память о Великой Отечественной войне ослабевает в силу естественных причин, и последующие поколения граждан относятся к ней без яркой эмоциональной окраски, как к одному из значимых событий прошлого. Эти процессы также могут иметь искусственный характер, когда в силу замалчивания каких-либо событий и искажения истории по различным причинам происходит переоценка данной эпохи: ставится знак равенства между Советским Союзом и Третьим рейхом как тоталитарными государствами в противовес либеральным, военный перелом во Второй мировой войне 1939–1945 гг. связывается с боевыми действиями не на Восточном фронте, а на других фронтах (Северная Африка, Средиземноморье, Нормандия), преуменьшается вклад в победу Красной Армии за счёт преувеличения значения военных действий армий союзников и зависимости СССР от экономической помощи (ленд-лиз), даже оценка Холокоста становится поводом рассматривать политику Третьего рейха как ориентированную на геноцид еврейского народа и недооценивать потери советского населения.

Указанные процессы могут привести к утрате современным обществом части исторической памяти. В Советском Союзе эта проблема не возникала, поскольку память о победе в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. целенаправленно сохранялась. Советские граждане в полной мере могли ощущать её как свою победу. В основе современной России лежат идеологические представления, противостоящие идеологии советского времени, и память о событиях военного времени в настоящее время может основываться только на идее исторической преемственности нашей государственности вне зависимости от специфики

исторического периода. С одной стороны, это позволяет россиянам разделять победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. со своими предками – советскими людьми, а с другой – требует предпринимать усилия по сохранению и защите исторической памяти о тех временах.

В 2021 г. в Стратегии национальной безопасности России¹ среди стратегических национальных приоритетов в сфере национальной безопасности были указаны «защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» (подп. 8 п. 26). В Стратегии констатировалось, что принятие чужих идеологических представлений и информационно-психологические диверсии, в том числе в виде «фальсификации российской и мировой истории, искажения исторической правды и уничтожения исторической памяти» (п. 88), усиливают угрозу утраты культурного суверенитета, и ставилась задача «защиты исторической правды, сохранение исторической памяти, преемственности в развитии Российского государства и его исторически сложившегося единства, противодействие фальсификации истории» (подп. 2 п. 93). Аналогичная задача по «сохранению исторической памяти, противодействию попыткам фальсификации истории» (подп. «б» п. 24) сформулирована в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей².

В это же время начинается практическая работа по сохранению исторической памяти. По инициативе руководства проекта «Без срока давности» Президентом России было предписано включить материалы данного проекта в образовательные программы высшего образования до 1 октября 2020 г. и разработать учебно-методические материалы для модуля по гражданско-патриотическому и духовно-нравственному воспитанию молодёжи до 1 декабря 2020 г. [7, с. 7].

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Пионерами реализации президентского поручения выступили преподаватели Псковского государственного университета, которыми в 2020 г. был разработан образовательный модуль соответствующего направления. Методические материалы последнего послужили основой для разработки специальных учебных курсов в высших учебных заведениях России, в том числе они были учтены при разработке учебного курса «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: без срока давности» в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации и создании данного пособия в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Другим направлением проекта «Без срока давности» стали поиск и публикация исторических источников о политике оккупационной администрации, позволяющих документально подтвердить преступления немецко-фашистских войск, их союзников и коллаборационистов. Результатом этой работы стало обнаружение более 7 тысяч документов из 80 архивов России, сведённых в 24 сборника по территориальному принципу (субъекты России, чья территория была оккупирована) и 1 сборник с документами Хабаровского процесса. Данные материалы представлены на сайте федерального архивного проекта «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» и федерального проекта «Без срока давности».

Эти материалы вместе с документами, опубликованными ранее, являются надёжным основанием для изучения «злодеяний» нацистов и их союзников. Подобная работа в СССР началась еще в годы войны. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. была учреждена Чрезвычайная государственная комиссия (ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР³. Акты и сообщения ЧГК⁴ стали документальной

³ Об образовании чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР : Указ Президиума

основой для проведения открытых судебных процессов над военными преступниками в 1943, 1945–1946 гг., закрытых судебных процессов 1949 г., а также были представлены на Нюрнбергском процессе. Часть судебных материалов Международного военного трибунала опубликована на русском языке⁵, доступны также и процессуальные документы по иным военным трибуналам, например проведенному американской оккупационной администрацией в 1948 г. по делу верховного главнокомандования вермахта⁶.

Важной задачей является также выявление и публикация документов, связанных с преступлениями, совершёнными союзниками Третьего рейха (Финляндия, Венгрия, Италия, Румыния, Хорватия, Эстония, Латвия, Литва и многие др.). Примером могут служить сборники архивных документов о преступлениях нацистов при участии местных коллаборантов в Литве, Латвии и Эстонии⁷. Интерес вызывает тот факт, что в некоторых случаях представители европейских наций представляют взвешенные сведения о характере оккупационной политики, например Юкка Куломаа о финской оккупации Петрозаводска [27, с. 53–57, 80–85 слл.], Т. Крауса и Е.М. Варга о политике венгерских оккупантов [26, с.72–96] или о румынской оккупации [64, с.77–94].

Действия союзников Третьего рейха до недавнего времени были объектом только исторической, а не правовой оценки. Некоторые военные преступники из числа союзников нацистов ушли от ответственности, а в отношении тех, которые были

Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. № 160/17 // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. (1938 г. – июль 1956 г.) / сост. М.И. Юмашев, Б.А. Жалейко. Москва : Госюриздат, 1956. С. 96–98.

⁴ Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. Москва : Гос. изд-во полит. лит., 1946. 457 с.

⁵ Нюрнбергский процесс : сборник материалов : в 8 т. Москва : Юрид. лит., 1987–1999. Т. 1–8.

⁶ Судебный процесс по делу Верховного главнокомандования гитлеровского вермахта. Приговор пятого американского военного трибунала, вынесенный в Нюрнберге 28 октября 1948 г. / под ред. Д.С. Карева. Москва : Прогресс, 1964. 359 с.

⁷ Трагедия Литвы: 1941–1944 годы : сборник архивных документов. Москва : Европа, 2006. 400 с. ; Латвия под игом нацизма : сборник архивных документов. Москва : Европа, 2006. 344 с. ; Эстония. Кровавый след нацизма. 1941–1944 годы : сборник архивных документов о преступлениях эстонских коллаборационистов в годы Второй мировой войны. Москва : Европа, 2006. 268 с.

осуждены в своих государствах в послевоенное время, приговоры отменяются, а сами преступники рассматриваются как «национальные герои».

Даже наша страна не избежала этого процесса. В 1992–1998 гг. на основании Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» Главной военной прокуратурой во внесудебном порядке была проведена реабилитация иностранных граждан – военных преступников, осуждённых военными трибуналами в 1947–1950 гг. и освобождённых и репатриированных в 1953–1956 гг. Хотя виновность реабилитированных была несомненна, они рассматривались как жертвы «политических репрессий» из-за нарушения процессуальных норм [34, с. 331]. Позже порядок реабилитации изменили, а часть решений была отменена, но последствия этого действия, а именно подтверждение мнения западноевропейской общественности, сформулированного еще в 1950-х гг. о незаконности приговоров, легли в основу отрицания преступного характера бесчеловечной политики на оккупированных территориях.

В настоящее время в Российской Федерации чётко определился курс на увековечение Победы советского народа в Великой Отечественной войне: приняты Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»⁸ и Федеральный закон от 21 апреля 2025 г. № 74-ФЗ «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов»⁹. Российские правоохранительные органы (Следственный комитет, прокуратура, суды) добиваются в судебном порядке признания злодеяний нацистских преступников во время войны геноцидом. По поручению Генерального прокурора Российской Федерации И.В. Краснова в суды были направлены заявления о признании действий оккупантов

⁸ Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов : Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ : текст с изм. и доп. на 28 дек. 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов : Федеральный закон от 21 апреля 2025 г. № 74-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

геноцидом. Так, Санкт-Петербургский городской суд удовлетворил заявление прокуратуры города о признании блокады Ленинграда оккупационными властями и войсками Германии и их пособниками в период с 1941 г. по 1944 г. военным преступлением, преступлением против человечности и геноцидом народов Советского Союза¹⁰.

Наличие документальной базы позволяет дать оценку политики Третьего рейха и его союзников на оккупированных территориях и охарактеризовать её в политическом, социальном, экономическом, идеологическом ракурсе. В исторической науке данная тема вызывает научный интерес и является предметом многих исследований. При всей её значимости она тем не менее является частью ещё более общей научной проблемы – это сущность и особенности проявления праворадикальных идеологий 1920–30-х гг. (национал-социализм, фашизм и националистический авторитаризм). Только исследуя эту проблему *ab ovo*, можно понять подлинную сущность политики оккупантов на территории Советского Союза и то, как противодействовать её современным обелителям и духовным наследникам.

С момента выхода на политическую сцену праворадикальных организаций, прежде всего Национальной фашистской партии Б. Муссолини в 1922 г., а затем и Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП) А. Гитлера в 1933 г., возникает интерес к данным политическим партиям. Вначале этот интерес определялся практическими задачами политической борьбы левых (коммунистов, анархистов, социал-демократов) с правыми, но в дальнейшем он приобрел академический характер столкновения разных взглядов на научную проблему сущности фашизма¹¹.

¹⁰ Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://erp.genproc.gov.ru/> (дата обращения: 12.10.2025).

¹¹ Относительно вопроса соотношения терминов «фашизм» и «национал-социализм», то в пособии мы рассматриваем понятие «фашизм» в двух значениях: 1) как общий (родовой) термин для определённой разновидности праворадикальных идеологий, возникших и широко распространившихся в 1920–30-е гг., 2) как региональную (итальянскую) разновидность правого радикализма, для которой была характерна своя идеологическая специфика, в отличие от национал-социализма, зародившегося в Германии и оказавшего большое влияние на другие разновидности в 1940-е гг.

Нет необходимости подробно характеризовать марксистскую, буржуазную и реформистскую историографию западноевропейского фашизма, её обзор приведен в обобщающей монографии «История фашизма в Западной Европе» [20, с. 531–600], а состояние изученности проблемы в отечественной историографии представлено в работах Ю.В. Галактионова [10].

Для современной исторической науки показательным является отсутствие единой точки зрения в отношении трактовки фашизма: 1) психологическая и психоисторическая характеристика [47], 2) мелкобуржуазная революция, движение среднего класса, 3) реакция на революционное движение (пролетарскую революцию) [32], следствие общего кризиса капитализма и перехода к государственно-монополистическому [11], 4) контрреволюция, 5) аналогия с историческим прошлым (индустриальный феодализм, следствие секуляризации, подобие якобинской диктатуры), уничтожение всех нравственных ценностей (революция нигилизма), 6) аналогия с коммунизмом (правый большевизм), 7) надклассовый союз фашистской партии с представителями финансово-промышленных и военных кругов, 8) массовое народное движение [40], 9) реакция недостаточно развитого общества на индустриализацию, техническую революцию (утопический антимодернизм) [20, с. 595–596], 10) выражение личности и воли А. Гитлера, 11) режим, адекватно выражающий немецкие национальные интересы, закономерная и необходимая фаза исторического развития немецкой нации [62], 12) разновидность тоталитаризма, 13) открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, шовинистических и империалистических представителей финансового капитала [17], 14) максимально широкое обозначение разнообразных и одновременно однотипных политических движений – национальных разновидностей фашизма [24, с. 136–142].

Историография фашизма не ограничивается представленными концепциями. С одной стороны, подобное многообразие позволяет выйти за рамки устоявшихся мнений, посмотреть на фашизм в новом ракурсе. С другой – «гонка» за новизной может привести к тому, что новые элементы заместят то, что составляет сущность фашизма. Особенно важно это учитывать ввиду античеловеческого характера политики соответствующих режимов.

В основе отечественной историографии, как было сказано выше, лежит классовый (социальный) подход – появление фашизма связано с необходимостью противостоять левой идеологии, подъём которой отражал кризис капитализма. Социально-политическая, идеологическая детерминированность фашизма имела место, но сводить политику Третьего рейха только к конфликту классов будет не совсем правильно. В фашистских режимах конфликт, как правило, мог иметь другую природу, а именно расовую.

В работах современных российских историков классовый подход уже не признаётся как единственный и фашизм рассматривается в широких социально-политических (единство суб- и суперструктур идеологии) [30] и культурных рамках (философско-политические идеи, движение фёлькише, «консервативная революция») [1].

Плюрализм подходов при всех своих достоинствах также может приводить к искажению представлений о характере политики фашистских режимов. Например, психологический (психоисторический) подход, распространённый в англо-американской научной среде [33, с. 224–242], имеет право на существование. Неопределённость и неустойчивость европейского экономического, социального и политического пространства 1920–30-х гг. отражались на психическом состоянии европейцев, а психические расстройства проецировались на сферу общественных отношений [46]. Сведение особенностей идеологии и политики преимущественно к психологии личности и масс означало бы отказ от какого-либо объективного обоснования первых и сделало бы невозможной оценку исторических событий.

Попытки либеральной общественности представить фашизм и коммунизм как разновидности тоталитарного режима выглядят исторически опасными и морально недопустимыми, делая невозможным понимание сущности политики Третьего рейха, уравнивая «жертву» и «преступника».

В этом отношении также неудовлетворительной стоит признать и концепцию фашизма как палингенетического ультранационализма с идеей противостояния декадансу, обновления во всех сферах общественной жизни, основания нового национального порядка, но с обращением к образам древности – для нацистской Германии этот образ воплощался в метафоре «Третий рейх» [69, р. 44]. Или же выдвинутое обоснование фашистского

режима в Германии и его политики в экономическом ракурсе. По мнению А. Туза, в основе идеи А. Гитлера о создании империи и проведении войны против СССР лежала осознанная угроза для Германии со стороны США – мирового гегемона [56]. Хотя английский историк не игнорирует «расовую войну», политику геноцида и принудительного труда, они в его рассуждениях не имеют самостоятельного значения и подчинены экономической целесообразности.

Из современных зарубежных представлений о фашизме с лучшей стороны выделяется определение М. Манна: «Это попытка создать трансцендентное национальное государство, при помощи парамилитаризма проведя народ через чистки», в котором отдельные элементы сбалансированы [31, с. 28].

Обозначенные выше трактовки фашизма расширяют наши представления об этой идеологии и меняют ракурсы изучения политики фашистских режимов. При этом они не дают ответа об основах античеловеческого характера политики соответствующих режимов: что лежало за политикой геноцида?

Высочайший уровень политического насилия Третьего рейха не позволяет свести его причины к чему-то одному – противостоянию идей, экономическому, социальному или политическому конфликту. Скорее всего значение имели не только они, но и причины более высокого уровня – экзистенциальные. В частности, Джон Вейс в книге «Фашистская традиция» отмечал, что фашизм – это древняя традиция западной культуры, выступающая в виде правого радикализма [4, с.10], а значит, вполне возможно рассмотреть Великую Отечественную войну не как обычный военный конфликт, а как «столкновение цивилизаций» – фашистской (националистической, западной) и коммунистической (советской, русской), в духе С. Хантингтона. Противостояние цивилизаций, культур делает жестокость оккупантов понятной и даже рациональной.

Для истории России фашизм – это не только предмет научного изучения, но и часть исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В изменившихся политических условиях острой потребностью становится сохранение и транслирование этой памяти, прежде всего тех её страниц, которые не были должным образом освещены, например преступления нацистского режима в отношении гражданского населения.

Учебное пособие ставит следующие цели:

1) сохранение исторической правды о преступлениях нацистов и их пособников против мирного населения оккупированных территорий в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.;

2) воспитание личности, имеющей активную жизненную позицию, готовую к нравственному поведению и творческой деятельности посредством методов социального проектирования;

3) формирование мировоззренческой позиции молодёжи на основе сохранения исторической правды о преступлениях нацистов и их пособников против мирного населения оккупированных территорий в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Глава 1. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО НАРОДА НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Исследование идеологических оснований нацистских преступлений против советского народа представляет собой выявление связи между доктринальными концепциями Третьего рейха и конкретными механизмами репрессий на оккупированных территориях. Эта связь не сводится к простой констатации фактов насилия, а требует понимания системных отношений, через которые идеологические конструкции превращались в инструменты массового уничтожения. Такой подход позволяет выявить глубинные механизмы легитимации политического террора в условиях тоталитарного режима, что имеет принципиальное значение для современной историографии.

Фашизм как социально-политическая теория возник в первой четверти XX в., но его идейные предпосылки начали формироваться много раньше: в качестве интеллектуальной базы были использованы философские, социальные и политические учения XIX в. Проблема определения концептуального ядра фашизма находится в центре общественного и научного внимания, поскольку она является важной для понимания специфики фашистских режимов, а также идеологической основы преступлений против советского народа на оккупированных территориях.

В историографии высказываются различные мнения о признаках фашизма. Э. Нольте, связывая понимание фашизма с отрицанием других влиятельных идеологий – социализма, либерализма и консерватизма, пришёл к его определению как «антимарксизма, стремящегося уничтожить противника путем разработки противоположной и все же сходной идеологии и путём применения почти тождественных, но характерным образом видоизменённых методов, действующих всегда в замкнутых рамках национального самоопределения и автономии» [40, с. 435-440].

В этом определении содержатся, правда, не всегда очевидно, основные признаки фашизма, которые иные исследователи проблемы корректируют, дополняя и переформулируя. Так, У. Эко, разделяя итальянский фашизм и германский национал-социализм как самобытные явления, даёт перечень состояний, которые могут свидетельствовать о фашизме: 1) культ традиции и синкретизм; 2) неприятие модернизма и иррационализм; 3) культ «действия ради действия» и подозрительность к интеллектуальному; 4) неприятие критики; 5) ксенофобия и расизм; 6) опора на фрустрированный средний класс; 7) национализм и теория заговора; 8) амбивалентность образа врага как чересчур сильного и слабого одновременно; 9) жизнь как вечная борьба и осуждение пацифизма; 10) массовый элитаризм и презрение к слабым; 11) культ героизма и смерти; 12) культ мужественности и преследование неконформистских привычек; 13) популизм, народ как монолитное единство, чью волю выражает лидер; 14) новояз [65, с. 67–78]. Все приведенные признаки свойственны фашизму, но методологический подход вызывает сомнения: множественность и разнородность признаков, при всей их истинности, ведёт к невозможности отделить главное от второстепенного, к обесцениванию самого понятия.

В этом отношении более обоснованным является определение через качественные характеристики, а не количественные. М. Манн приводит среди критериев фашизма «национализм, этатизм, трансцендентность (как критика существующих общественных порядков и социальных проектов и создание нового общества и человека), чистки, парамилитаризм» [31, с. 28–34].

Отечественные исследователи также разделяют подобные представления. Фашизм рассматривается как антилиберальная и антисоциалистическая идеология, чьи принципы – этатизм,

вождизм и расизм – служат основой тоталитарного режима и экспансионизма [53, с. 203–204].

Нацистская расовая теория базировалась на иерархической классификации народов, где «нордическая арийская раса» провозглашалась биологически и культурно превосходящей. Основаниями этой теории стали работы Ж.А. де Гобино «Опыт о неравенстве человеческих рас» [12] и, особенно, Х.С. Чемберлена «Основания девятнадцатого века» [60]. Идеалы расовой чистоты обосновывались псевдонаучными антропометрическими критериями – формой черепа, цветом волос и глаз. Эта система создавала теоретическую основу для политики дискриминации, где расовая принадлежность определяла право на существование. Концепция «расовой гигиены» требовала устранения «неполноценных элементов» для сохранения «чистоты крови» насильственным путём, в отличие от применявшихся в Германии до 1933 г. евгенических практик так называемой положительной расовой гигиены, через просвещение и установление специальных налогов [67, с. 255–265, 283–286].

Легитимация расовых категорий осуществлялась через институты наподобие Института наследственной биологии и расовой гигиены, финансируемого государством. Псевдонаучные исследования в области евгеники использовались для обоснования принудительной стерилизации и эвтаназии. Нацистская пропаганда систематически внедряла в массовое сознание мифы о биологической угрозе со стороны «низших рас». Партийные идеологи, такие как А. Розенберг, разрабатывали расовые классификации, придавая им видимость академической достоверности.

Славянские народы, особенно русские, украинцы и белорусы, определялись нацистскими идеологами как «унтерменши» – неполноценные существа, пригодные лишь для рабского труда. Евреи занимали в этой иерархии особое место как «расовые паразиты», подлежащие полному уничтожению. Дегуманизирующие стереотипы лишали эти группы субъектности, превращая их в объекты эксплуатации или уничтожения. Идеологическая риторика оправдывала насилие как «санитарную меру» по защите цивилизации.

На оккупированных советских территориях расовая теория реализовывалась через генеральный план «Ост»¹², предусматривавший депортацию 30–45 миллионов славян. Селекционные комиссии проводили отбор населения для принудительных работ или уничтожения на основе расовых критериев. Система принудительного труда «остарбайтеров» базировалась на принципе расовой дискриминации в нормах питания и условий содержания.

Центральным компонентом нацистской идеологии выступал антикоммунизм, обеспечивая идеологическую делегитимацию советской власти. Эта делегитимация осуществлялась через слияние антирусских и антибольшевистских нарративов, которые представляли советскую государственность как внутреннюю угрозу для Европы. На политическом и пропагандистском уровнях подобные нарративы служили обоснованием для военных и карательных мер против гражданского населения. В рамках этих нарративов широко использовалась конструкция «еврейско-большевистской» угрозы, служившая инструментом для стигматизации и демонизации политических и этнических групп. Приказ о комиссарах предписывал расстреливать советских политических руководителей как носителей «еврейско-большевистской» идеологии. Представление о союзе «еврейства» и большевизма облегчало моральное обоснование репрессий и уничтожения, поскольку изображало противника как одновременно идеологически и расово чуждого. Такая риторика интегрировалась в существующие расовые доктрины и оправдывала применение насилия в целях реализации оккупационной политики и колониальных планов.

Антиславянская установка функционировала как самостоятельный элемент идеологии, опирающийся на стереотипизацию славян как культурно и биологически неполноценных. Эти стереотипы использовались для обоснования систематического унижения, исключения из правового поля и экономической эксплуатации на оккупированных территориях. В результате антиславянская риторика служила идеологическим фундаментом для колониального обращения с населением и для практик, направленных на сокращение его политического и социального статуса.

¹² Генеральный план ОСТ // Дашичев В.И. Стратегия Гитлера : Путь к катастрофе, 1933–1945 : исторические очерки, документы и материалы. Москва : Наука, 2005. Т. 3. С. 5–40.

Практическая трансляция антикоммунистической и антиславянской риторики осуществлялась через комплекс механизмов, включавший пропаганду, мобилизацию сил безопасности и организацию коллаборационистских структур. Пропагандистские кампании легитимировали репрессивные операции, а органы безопасности и оккупационные администрации внедряли директивы, направленные на подавление сопротивления и массовые репрессии. Формирование и использование местных коллаборационистских органов облегчало выполнение карательных задач против мирного населения и обеспечивало институциональную связь между идеологией и практикой оккупационной политики.

Концепция *Lebensraum*, сформулированная в рамках нацистской идеологии, служила теоретическим обоснованием территориальной экспансии на Восток. Идея «жизненного пространства» восходила к пангерманским теориям XIX века, которые были радикализованы нацистскими идеологами. Эта доктрина напрямую связывалась с обеспечением ресурсной базы для германской нации и установлением её гегемонии в Европе. Экспансионистская сущность *Lebensraum* была неразрывно связана с расовыми установками нацизма, предполагавшими право «высшей расы» на захват территорий «низших народов». А. Гитлер прямо заявлял, что Германия прекращает вечное движение на юг и запад Европы и обращает взор к землям на Востоке. Такая постановка вопроса превращала Восточную Европу и территорию СССР в объект колонизации, где местное население рассматривалось лишь как препятствие для германской экспансии. Таким образом, концепция *Lebensraum* стала идейной основой для планирования агрессии против Советского Союза.

План «Ост» конкретизировал демографические и экономические цели *Lebensraum*, предусматривая масштабную колонизацию оккупированных советских территорий. Документ предполагал принудительное переселение до 31 миллиона человек с последующим заселением этих земель немецкими колонистами. Одновременно планировалась полная эксплуатация природных ресурсов захваченных территорий, включая конфискацию сельхозугодий и промышленных мощностей в пользу германской экономики.

Институционализация концепции жизненного пространства осуществлялась через создание оккупационных административных структур. Имперское министерство по делам оккупирован-

ных восточных территорий под руководством А. Розенберга разработало систему управления, основанную на принципах генерального плана «Ост». В директивах Министерства предписывалось, что все местные органы самоуправления должны быть ликвидированы, а их функции переданы немецким комиссарам. Параллельно проводилась политика германизации через переселение этнических немцев и депортацию славянского населения, что соответствовало стратегическим целям создания «жизненного пространства».

Идеологические истоки оккупационной политики формировались на основе взаимосвязанного комплекса идей о «жизненном пространстве» и расовой иерархии, которые придавали экспансионистским целям нормативную легитимацию. Концепция *Lebensraum* обосновывала необходимость территориального расширения и пересмотра правового статуса населённых территорий в интересах «арийского» гегемона. Расовая теория придавала этим планам императив насаждения нового этнополитического порядка и дисквалификации коренного населения как полноправных субъектов политики. Доктринальные установки нашли выражение в формулировках конкретных военных планов и инструкций. Цель плана «Барбаросса» была сформулирована в «Инструкции по развертыванию и боевым действиям по плану “Барбаросса”» от 2 мая 1941 г.: «Война против России – один из важнейших этапов борьбы за существование немецкого народа. Это древняя битва германцев против славянства, защита европейской культуры от московитско-азиатского нашествия, оборона против еврейского большевизма» [52, с. 572]. Эта формулировка прямо связывала оперативные директивы с идеями борьбы против славянства и «еврейского большевизма», задавая нормативную основу репрессивных мер на оккупированных территориях.

Процедуры превращения абстрактных установок в распоряжения включали типизацию населённых групп, разработку критериев «враждебности» и разработку стандартов административного регулирования. Категоризация по этническим, политическим и социальным признакам позволяла унифицировать практики депортаций, арестов и реквизиции, делая их формально обоснованными. На этой основе формировались шаблоны решений и инструкций, которые обеспечивали последовательность репрессивных действий и их адаптацию к конкретным местным условиям.

Генеральные планы колонизации, в том числе план «Ост», имели цель коренного изменения демографической и социальной конфигурации оккупированных территорий путём массового переселения немецкого населения и разрушения существовавшей местной социальной структуры. В содержании таких планов отражалось системное стремление заменить местные общественные институты и элиты новыми административными и хозяйственными образованиями, ориентированными на интересы рейха. Структура планов предусматривала поэтапные мероприятия по селекции территорий для переселения и одновременно механизмы исключения или уничтожения элементов местного общества, рассматриваемых как препятствие для колонизации.

Экономические компоненты колонизационных программ были направлены на обеспечение материальных нужд Германии посредством организации реквизиции продовольствия, вывоза сырья и мобилизации трудовых ресурсов. В практической реализации предусматривались систематические притязания на сельскохозяйственную продукцию и природные ресурсы с приоритетом их отвода в экономику рейха. Мобильные и стационарные формы эксплуатации труда местного населения и депортированных рабочих рассматривались как ключевой ресурс для поддержания военной и гражданской экономики оккупантов.

Аграрная и инфраструктурная политика колонизации включала мероприятия по переустройству землепользования и экспроприации земель в пользу будущих немецких переселенцев. Планировалось создание новых хозяйственных структур и агропредприятий, адаптированных под модель земельного хозяйства рейха, а также развитие транспортной и коммунальной инфраструктуры для обеспечения их функционирования. Эти меры сопровождались целенаправленным искоренением прежних форм собственности и управления землей [51, с. 189–194; 22, с. 223–251], что должно было закрепить экономическое превосходство переселенцев.

Закрепление колониальных решений обеспечивалось посредством административно-правовых механизмов, включавших декреты о собственности, установление режимов реквизиции и формализованные процедуры депортации населения. Правовые акты и регламенты создавали нормативную основу для изъятия имущества, передачи земель и принудительного перемещения

людей, обеспечивая легитимацию практических шагов оккупационной администрации. Эти инструменты служили средством институционализации колониальной политики и упорядочивания процессов экономической и демографической трансформации оккупированных территорий.

В изучении оккупационной политики особое внимание уделяется анализу содержательного наполнения приказов и директив верховного командования, оккупационных администраций и партийных инстанций. Эти документы фиксировали приоритеты безопасности, экономической эксплуатации и этнической селекции, определяя рамки действий местных органов власти и военных структур. Через директивы формировались конкретные задачи – от организации охраны коммуникаций до регламентации выдворений и конфискации имущества, что обеспечивало функциональную связь между идеологией и практикой.

Тактические инструкции и методические указания служили инструментом трансформации директив в операционные процедуры для сил правопорядка и администраций. Критерии идентификации «нежелательных» групп, включавшие политические, социальные и этнические признаки, оформлялись в форме списков, регистраций и инструкций для проверки и задержания. Документы регламентировали порядок обыска, допроса и отбора лиц для депортации или немедленного экстренного задержания, что облегчало работу подразделений, таких как айнцагруппы, в исполнении массовых репрессий. Организация массовых депортаций и использование принудительного труда сопровождалась подробными процедурами взаимодействия между военными, гестапо, гражданскими администрациями и экономическими службами. Пошаговые указания включали правила отбора трудоспособного населения, процедуры оформления перевозок и распределения рабочей силы на предприятиях и в лагерях, а также механизмы контроля за выполнением квот. Такая регламентация создавала операционную основу для систематического использования насильственного труда как экономической и карательной меры.

Юридизация репрессий выражалась в разработке нормативных актов, провозглашавших особые правовые режимы и исключительные полномочия оккупационных органов. Путём издания указов, постановлений и административных инструкций гражд-

данское право и судебные процедуры модифицировались так, чтобы лишить отдельные категории населения базовых прав и защитных механизмов. Создание специальных судов и упразднение элементарных гарантий способствовало превращению репрессий в формально легитимированную практику, что облегчало принудительные изъятия, депортации и применение карательных мер [22, с. 154–196]. Последствия этих правовых и административных инструментов будут раскрыты ниже сквозь призму конкретных преступлений против советского народа.

Расовые теории национал-социализма представляли славян и евреев как биологически и культурно низших, что служило идеологической основой для их систематической дискриминации и уничтожения на оккупированных территориях. Эта доктрина формировала иерархию народов, в рамках которой депортация, лишение прав и физическое устранение воспринимались как «естественные» и оправданные. Свидетельства массовых расправ говорят о том, что эти акции носили системный характер и вытекали непосредственно из расовой концепции режима. На практике расовая идеология легла в основу планирования и исполнения операций оккупационных органов и специальных формирований, что обеспечивало масштабное и упорядоченное проведение актов геноцида. Идентификация «низших» групп сопровождалась их изоляцией, депортацией в лагеря и целенаправленными массовыми казнями, что подтверждает институционализированный характер преступлений. В результате массовый террор выступал как инструмент реализации расовой доктрины и стал одним из ключевых элементов оккупационной политики на завоеванных территориях.

Антикоммунистическая риторика использовалась оккупационными властями как средство легитимации репрессивных мер в отношении широких слоёв советского гражданского населения. Приписывание коммунистической принадлежности или симпатий к коммунизму служило формальным основанием для арестов, экстраординарных расправ и коллективных наказаний без соблюдения процессуальных норм. Такая идеологическая маркировка обеспечивала оправдание репрессий в глазах исполнителей и высшего руководства. Сочетание антикоммунистических установок с расовыми представлениями усиливало дегуманизацию жертв и расширяло круг допустимых насильственных

действий, включая массовые казни, депортации и принудительный труд. Идеологическое обоснование снимало моральные и правовые барьеры, способствуя превращению репрессий в системную практику оккупационной администрации. Следовательно, антикоммунизм выполнял роль не только политического мотива, но и инструмента, который структурировал и узаконил массовый террор.

В практической реализации концепция жизненного пространства выражалась в систематическом присвоении природных и антропогенных ресурсов оккупированных территорий. Это включало экспроприацию сельскохозяйственных земель, реквизицию продовольствия и сырья, а также целенаправленную эксплуатацию инфраструктуры для обеспечения потребностей рейха. Идеологическая установка на расширение жизненного пространства тем самым приобретала экономическое содержание, превращаясь в механизм удовлетворения экономических и демографических требований Германии. Вместе с природными ресурсами под экспроприацию попадала и рабочая сила – население, рассматриваемое как средство восполнения дефицита трудовых ресурсов в метрополии. Местные трудящиеся привлекались к выполнению сельскохозяйственных и промышленных работ на жёстких условиях, часто без оплаты или за символическое вознаграждение [22, с. 223–313]. Параллельно осуществлялось переселение и вытеснение населения с целью освобождения земель для немецких колонистов, что усиливало экономическую эксплуатацию. Такая практика была не частным проявлением стихийного грабежа, а составляла системный элемент реализации доктрины расширения жизненного пространства.

Система принудительного труда была составной частью колониальной политики Третьего рейха и оформлялась через административные механизмы набора и размещения рабочей силы. Организационно она включала принудительный набор, депортацию трудоспособного населения и размещение в рабочих командах, лагерях и на предприятиях, обслуживающих нужды оккупационных и германских экономических структур. Правовой и административный инструментарий создавал условия длительной эксплуатации, лишая трудящихся возможности защиты и мобилизуя их усилия на пользу военной и гражданской экономики Германии.

Экономические аспекты эксплуатации следует рассматривать в контексте подготовки и ведения тотальной войны, где оккупированные территории служили ресурсной базой для продолжения вооружённого конфликта. Приоритеты распределения ресурсов и труда расставлялись в пользу военных нужд рейха, что выражалось в переводе продукции и рабочей силы на обеспечение вооружённых сил и военно-промышленного комплекса. Использование принудительного труда позволяло компенсировать нехватку рабочей силы в условиях мобилизации и тем самым поддерживать уровень производства, необходимый для военных операций. Таким образом, экономическая эксплуатация была интегральным элементом военной стратегии и подкрепляла идеологическую логику расширения и подчинения оккупированных регионов.

Холокост на оккупированных советских территориях осуществлялся преимущественно силами айнцагрупп, которые следовали за вермахтом. Эти оперативные подразделения проводили массовые расстрелы еврейского населения, часто при участии местных коллаборационистов. Идеологическое обоснование этих акций заключалось в реализации концепции «окончательного решения еврейского вопроса».

Тактика выжженной земли проявлялась в систематических карательных операциях оккупационных администраций против мирных жителей. Нацистские войска уничтожали целые деревни вместе с населением в качестве мести за действия партизан. Особой жестокостью отличались операции «Зимнее волшебство» (февраль–март 1943 г.), «Котбус» (май 1943 г.), «Весенний праздник» (апрель–май 1944 г.) на территории Белоруссии, в ходе которых сжигались дома, расстреливались женщины и дети. Эти действия соответствовали директивам о «борьбе с бандитизмом», фактически легализовавшим террор против гражданского населения.

Система принудительного труда «остарбайтеров» охватила около 5 миллионов советских граждан. Людей насильственно депортировали в Германию для работы на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве. Условия содержания характеризовались крайне низким уровнем питания, отсутствием медицинской помощи и жестоким обращением. Высокая смертность среди угнанных рабочих демонстрировала воплощение идеи об «экономической эксплуатации жизненного пространства».

Все перечисленные преступления имели единую идеологическую основу, сочетавшую расовую теорию и антикоммунистическую доктрину. Уничтожение евреев, террор против славянского населения и эксплуатация рабочей силы взаимно дополняли друг друга в рамках плана «Ост».

Нацистская идеология целенаправленно внедрялась в сознание исполнителей через систематическую пропаганду и институциональную обработку. Индоктринация осуществлялась посредством партийных школ, прессы и митингов, формируя представление о «справедливости» военных преступлений. Этот процесс позволял превратить рядовых граждан в послушных исполнителей преступных приказов. Идеологическая обработка создавала иллюзию исторической необходимости совершаемых действий. Дегуманизация противника в нацистской пропаганде служила психологическим инструментом преодоления моральных барьеров у военнослужащих. Советский народ изображался как «недочеловеки», угрожающие германской цивилизации, что оправдывало крайнюю жестокость и освобождало исполнителей от личной ответственности, перенося её на абстрактные идеологические конструкции. Результатом стало массовое участие в преступлениях при минимальном сопротивлении со стороны рядового состава.

Антиславянская риторика в пропаганде создавала образ врага, объединяющий коммунистическую идеологию и этническую принадлежность. Такая двойная стигматизация позволяла представить любые репрессии как «превентивные меры» против угрозы. Идеологическое обоснование преступлений превращало их в акты «самозащиты» германской нации. Подобная логика стала главным оправданием массовых казней, депортаций и принудительного труда на оккупированных территориях.

Нацистские преступления против советского народа представляли собой системное явление, коренящееся в расистских доктринах Третьего рейха. Концепции «жизненного пространства» и «расовой иерархии», детально проанализированные в работах нацистских идеологов, эволюционировали из теоретических конструктов в директивы оккупационной политики. Эта трансформация нашла отражение в планах колонизации Востока, где геноцид и экономическая эксплуатация были возведены в ранг государственной стратегии.

Долгосрочные последствия нацистской идеологии проявились не только в демографической катастрофе оккупированных территорий, но и в глубокой травматизации коллективного сознания. Исторический опыт демонстрирует невозможность предотвращения преступлений тоталитарных режимов без критической деконструкции их идеологических оснований. Изучение нацистских доктрин необходимо для формирования устойчивой исторической памяти и гражданского иммунитета. Понимание механизмов превращения идеологии в инструмент геноцида остаётся ключевым условием противодействия ксенофобским концепциям в современном обществе.

Глава 2. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ НА ОККУПИРОВАННЫХ ГЕРМАНИЕЙ ТЕРРИТОРИЯХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

«Нацистское государство» стало условным обозначением Германской империи (1933–1943 гг.; Великой Германской империи, 1943–1945 гг.) со времени прихода А. Гитлера к власти и установления тоталитарного режима. Установление диктатуры началось после назначения Гитлера рейхсканцлером 30 января 1933 г.: Декрет рейхспрезидента о защите народа и государства от 28 февраля 1933 г. и Акт о полномочиях от 24 марта 1933 г. навсегда приостановили действие Веймарской конституции. Далее в течение нескольких месяцев были созданы:

а) централистское государство, основанное на идеологии национал-социализма, были приведены в соответствие политика и общество через установление общего запрета всех политических и иных организаций, кроме НСДАП;

б) конкурирующая поликратия с дублированием полномочий государства и НСДАП, в которых Гитлер был субъектом, обладавшим правом на принятие окончательных решений;

в) полицейское государство с сетью концентрационных лагерей, систематическим геноцидом евреев (Холокост), синти и рома (Пораймос) и славян, преследованием и уничтожением оппозиции, инвалидов и гомосексуалистов, больных.

Хотя Веймарская конституция не была отменена или заменена, политический строй был переопределён в существенных аспектах и Конституция потеряла какое-либо значение. Провозглашённое «единство народа и государства» привело к отмене разделения властей. Высшие государственные учреждения наделялись законодательной, исполнительной и судебной властью. Когда институт «вождя» (фюрера) стал единственным действующим принципом организации власти, во всех сферах общественной жизни и на всех уровнях государственного управления произошла централизация ведомств и их дублирование. Споры о компетенции заканчивались объединением административных органов с партийными по решению Гитлера.

Центральным ведомством рейха, ответственным за осуществление идеологии национал-социализма на захваченных территориях СССР, стало Имперское министерство по делам оккупированных восточных территорий. В марте 1941 г. Гитлер впервые объявил Кейтелю – начальнику Верховного командования вермахта (ОКВ) о планируемом создании Восточного министерства ради освобождения вермахта от политических задач на оккупированных территориях. Хотя А. Розенберг уже с марта 1941 г. осуществлял полномочия министра де-факто, формальное назначение состоялось только 17 июля 1941 г. Ведомству предписывалось «восстанавливать и поддерживать общественный порядок и общественную жизнь на вновь оккупированных восточных территориях»¹³. В июле произошли назначения на должности рейхскомиссаров.

Ведомство Розенберга функционировало как идеологический центр, формулирующий стратегические рамки и направлявший разработку планов по организации пространства оккупации. В этих установках прослеживалась системная связь между идеологическими постулатами и практическими задачами по реорганизации демографии и землепользования на оккупированных территориях СССР. Среди политических целей фигурировали:

¹³ Приказ Гитлера о гражданском управлении во вновь оккупированных восточных областях. 17 июля 1941 г. // Преступные цели – преступные средства : Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.) / сост. Г.Ф. Заставенко [и др.]. 3-е изд. Москва : Экономика, 1985. С. 51–54.

1) «окончательное решение еврейского вопроса» – депортация евреев с запада на восток (гетто) и последующее истребление. Мероприятия по массовым убийствам еврейского населения начались уже 17 июля 1941 г. На Ванзейской конференции 20 января 1942 г. было озвучено решение о систематическом уничтожении всех евреев в Европе, а на конференции в Восточном министерстве 29 января 1942 г. было уточнено понятие «еврей», т. е. лицо, подлежащее уничтожению. Ведомство было причастно не только к истреблению евреев, но и к убийствам по иным основаниям через «эвтаназию» (акция Т4);

2) германизация расово «нордической» части населения на оккупированных территориях и «перемещение» (уничтожение) других, использование национальных культур в «борьбе за империю и жизненное пространство» (проект «Акция Риттербуш», с 1941 г.);

3) использование труда советских военнопленных, в том числе в рейхе, хотя Гитлер запретил перемещать военнопленных в Германию;

4) политика умиротворения, т. е. объявление и распространение информации, что военные действия ведутся против христианской религии в целом и против «еврейского большевизма» в частности. Иными словами, война рассматривалась не как завоевание, а как великодушное освобождение части населения.

Восточное министерство представляло собой многоуровневую бюрократическую структуру с разделением на ведомственные подразделения и функциональные секторы, отвечавшие за политическое, экономическое и культурное направление деятельности на оккупированных территориях. Централизованная вертикаль принятия решений обеспечивала выработку общих директив и их передачу на уровень исполнения. Административная иерархия сочетала в себе как общегосударственные институты, так и специализированные отделы, ориентированные на реализацию восточной политики. Каждое функциональное звено Министерства занималось своей сферой компетенции, что позволяло формировать согласованные планы и виды вмешательства в повседневное управление оккупированными регионами. Вертикаль управления предусматривала согласование ключевых стратегических решений на центральном уровне перед их реализацией локальными административными органами. Такая орга-

низация повышала управляемость и обеспечивала единые подходы к внедрению политических и экономических мер. В системе Министерства наблюдалась тесная взаимосвязь между разработкой нормативных актов и их практической реализацией через сеть подведомственных структур. Управленческая модель предусматривала распределение задач по специализировавшимся секторам при сохранении общегосударственного координационного центра. Это положение дел обеспечивало институциональную основу для единого курса на оккупированных территориях.

Ведущие направления деятельности Министерства включали разработку планов экономической эксплуатации территорий, направленных на извлечение и перераспределение материальных ресурсов в пользу метрополии. В экономическую стратегию входили мероприятия по мобилизации сельского хозяйства, промышленного потенциала и транспортной инфраструктуры для обеспечения потребностей оккупационной экономики. Такие планы формировались в тесной связи с задачами обеспечения снабжения фронта и хозяйственного перевода регионов на обслуживающие функции. Аграрная реорганизация и переселение представляли собой ключевые компоненты политической программы, ориентированной на перераспределение земель и человеческих ресурсов. Меры по хозяйственной инкорпорации предусматривали изменение структуры землепользования, а также интеграцию части экономической инфраструктуры в систему оккупационной администрации. Реализация этих направлений сопровождалась нормативными актами и программами, рассчитанными на длительную трансформацию экономической и демографической картины регионов.

Кадровая политика Министерства строилась на подборе лояльных функционеров и специалистов, способных внедрять центральные директивы в условиях оккупации, и включала механизмы координации с партийными структурами, силовыми органами и гражданской оккупационной администрацией. Инструменты взаимодействия предусматривали обмен информацией, согласование планов и распределение зон ответственности между министерскими подразделениями, СС и местными административными инстанциями. Такая система координации обеспечивала согласованность действий различных институтов в реализации заданной политики.

Разработка директив Восточного министерства представляла собой формализованный процесс создания нормативных актов и методических указаний, обосновывавших политику на оккупированных территориях. Эти документы опирались на идеологические положения о «жизненном пространстве» и расовой иерархии, которые задавали рамки для практических решений. Директивы систематизировали цели, приоритеты и предполагаемые административные меры для последующей реализации на местах. Методологические подходы при формировании директив включали сбор и обработку демографических, экономических и картографических данных, а также разработку сценариев преобразования территорий. Эксперты Министерства вырабатывали унифицированные шаблоны планирования, предназначенные для координации действий различных ведомств и административных уровней. Такие методические указания служили инструментом перевода общих стратегий в конкретные административные процедуры. В результате формировались документы, пригодные для непосредственной трансляции в распоряжения и инструкции на местах. Процесс подготовки стратегических документов предполагал согласование с другими институтами рейха, задействованными в оккупационной политике, включая силовые и экономические ведомства. Например, в интересах военной экономики А. Розенберг осуществлял деятельность совместно с Ф. Тодтом – министром вооружения и боеприпасов, руководителем «Организации Тодта» и генеральным уполномоченным по четырехлетнему плану Г. Герингом.

Директивы проходили этапы внутреннего согласования и корректировки в соответствии с оперативной информацией и целевыми задачами администрации. Секретность и централизация принятия решений обеспечивали единообразие постановок задач для реализации на оккупированных территориях. В результате возникла нормативно оформленная основа для эксплуатации ресурсов и репрессий.

Ключевые планы, включая элементы генерального плана «Ост», содержали комплекс мероприятий по депортации и переселению населения, направленных на изменение этнической структуры территорий. В этих документах прописывались меры по «обезлюдиванию» отдельных районов и созданию условий для заселения немецким населением в будущем. Плановые уста-

новления предусматривали ликвидацию прежних административных и социальных структур, которые считались преградой для реализации колонизационных замыслов. Такие меры были рассчитаны на длительную перестройку демографического и хозяйственного пространства. Параллельно с демографическими преобразованиями планы включали распределение земель и ресурсов в пользу интересов рейха, а также организацию принудительной эксплуатации трудовых ресурсов. Документы определяли приоритеты аграрной и сырьевой экспроприации, а также механизмы использования местного населения в качестве рабочей силы. Экономическая составляющая планов рассматривалась как неотъемлемая часть стратегии укрепления контрольной зоны и обеспечения военных и гражданских нужд рейха. В совокупности эти положения создавали инструментальную связку между насильственной трансформацией общества и извлечением материальных выгод.

Механизмы трансляции директив включали формальные процедуры направления указаний из центрального аппарата в региональные и местные инстанции посредством письменных распоряжений и инструкций. Взаимодействие осуществлялось по траектории гражданская администрация – силовые органы. При этом поддерживались постоянные каналы обмена информацией с подразделениями СС, айнзацгруппами и вермахтом. Контроль исполнения обеспечивался системой отчетности, инспекций и оперативных донесений, а также принудительными методами со стороны силовых структур. Такая организационная схема обеспечивала оперативную координацию и применение директив на практике.

Формирование гражданской администрации для оккупированных территорий началось уже 13 марта 1941 г. после издания В. Кейтелем, начальником ОКВ, Руководства по особым районам для Директивы № 21 (план «Барбаросса»). Согласно этому документу на завоеванных территориях в тылу групп армий «Север», «Центр» и «Юг» должны были быть сформированы три рейхскомиссариата – в Прибалтике, Белоруссии и на Украине. Рейхскомиссар должен был взять на себя политическое и административное руководство созданием «гражданской администрации», а командующий вермахтом – вопросы военной безопасности этих районов.

После издания приказа «Об управлении вновь оккупированными восточными территориями» 17 июля 1941 г. организация гражданского управления была утверждена официально. Во исполнение этого приказа к рейху были присоединены, но не аннексированы, две огромные «имперские провинции» с германской гражданской администрацией – рейхскомиссариат «Остланд» в Прибалтике и части Беларуси (1941–1945 гг.) и «Украина» в западной и центральной частях советской Украины с перспективой расширения территории по Дону и Волге (1941–1944 гг.). В планах А. Розенберга была организация еще трех рейхскомиссариатов – «Московия», планируемый к созданию после «окончательной победы» и включавший в себя территорию Москвы (сам город, как и Ленинград, должен был быть уничтожен) и территорию до Урала; «Кавказ», также планируемый к созданию после «победы», охватывавший Закавказье и Северный Кавказ; «Туркестан», который должен был объединить территории среднеазиатских республик СССР, мусульманских или тюркских, и Поволжья (Татарстан, Башкирия), а также, возможно, Марий-Эл, Удмуртии и Алтая, но эта идея была отвергнута Гитлером, и восточная граница всей территории так и не была окончательно определена. В конце 1941 г. Японская империя предложила делимитацию региона по линии 70° восточной долготы, а затем еще дальше на восток, к восточной границе среднеазиатских республик с Китаем и вдоль Енисея.

Отдельно определялся правовой статус некоторых оккупированных территорий, предназначенных, согласно генеральному плану «Ост», для поселения 4 миллионов лиц «германского происхождения», – «Ингерманландия» вокруг Ленинграда, «Готенгау» в Крыму и в районе Херсона, а также в водосборном бассейне рек Мемель и Нарев.

Отмечалось, что на оккупированных территориях после прекращения военных действий административные функции должны будут перейти от военной администрации к гражданским властям, подчинённым Восточному министерству; рейхскомиссариаты должны были быть разделены на генеральные округа во главе с генеральным комиссаром, а генеральные округа, в свою очередь, подразделялись на районные округа с региональными комиссарами; предусматривалось, что несколько уездных районов могут быть объединены в один главный округ

(во главе с главным комиссаром). Указ содержал ограничения для Восточного министерства в части права фюрера назначать рейхскомиссаров и генеральных комиссаров, а Геринга и Гиммлера – в назначении комиссара по четырехлетнему плану, чинов СС и полиции соответственно.

Формирование гражданской администрации опиралось на систему нормативных актов, включавшую указы и инструкции, которыми определялись пределы полномочий рейхскомиссариатов и генеральных комиссариатов. Эти документы устанавливались как формальная правовая основа для передачи широких административных функций от центральных органов германского государства к оккупационным инстанциям. В результате была создана юридическая рамка, легитимизировавшая вмешательство в местное управление и распределение ресурсов на оккупированных территориях.

Вертикаль управления в рейхскомиссариатах выстраивалась вокруг фигуры генерального комиссара, которому поручались координация деятельности немецких департаментов и общее руководство гражданской администрацией в зоне ответственности. Немецкие департаменты выполняли специализированные функции в области экономики, снабжения, юстиции и коммунального управления, обеспечивая техническую реализацию директив верховных инстанций. Такая структура создавала централизованный канал принятия решений и контроль за исполнением решений центральных ведомств. Для обеспечения оперативности деятельности использовалось привлечение местной бюрократии; существующие административные кадры подвергались процедурам переподчинения или замены на лояльных сотрудников, что обеспечивало идеологическую и кадровую синхронизацию решений. В результате взаимодействие немецких департаментов и местных аппаратов формировало многоуровневую систему управления, сочетающую централизованные инструкции с практической реализацией на местах.

Механизмы контроля и отчётности включали организационные процедуры сбора данных, регулярные инспекции и устоявшиеся каналы связи с центральными ведомствами, обеспечивавшие поток информации о материальном состоянии и демографических показателях. Административные распоряжения доводились по вертикали и подкреплялись системой отчётов и прове-

рок, что способствовало контролю за исполнением задач и оперативному вмешательству при отклонениях. Такая система отчетности и инспекционного контроля выступала связующим звеном между центром и местом, обеспечивая реализацию оккупационной политики в повседневной практике администрации.

Политика реквизиции и изъятия продовольствия осуществлялась через нормативы и предписания, устанавливавшие объёмы изъятий и приоритеты распределения собранной продукции. Логистика вывоза сельскохозяйственной продукции включала централизованное формирование грузов, использование железнодорожного и автомобильного транспорта и взаимодействие местных администраций с военными службами. В приоритет поставок регулярно ставились потребности метрополии и оккупационных войск, что снижало доступность продовольствия для местного населения и подрывало продовольственную безопасность территорий. Подобные действия формулировались в так называемом плане «Голод», или план «Бакке», по фамилии статс-секретаря Министерства продовольствия и сельского хозяйства, озвучившего идеи кардинального сокращения продовольственного обеспечения горожан и последующей гибели «лишнего населения» [21, с. 163–199]. Эти практики выступали ключевым элементом экономической составляющей оккупационной политики и обеспечивали материальную базу для дальнейшей эксплуатации.

Для обеспечения производств рабочей силой применялись организованные механизмы вербовки и распределения работников, подконтрольные гражданской администрации и специальным службам. «Подобные производства необходимо было обеспечить рабочей силой. Для этого создавались биржи труда, проверявшие уровень профессиональной квалификации вставших на учёт граждан из числа местного населения. Затем последние распределялись по местным предприятиям либо отправлялись в Германию» [25, с. 7]. Организация принудительного труда включала оформление трудовых квот, выдачу направлений и ведение учетных документов, что обеспечивало планомерный отток рабочей силы в хозяйственные структуры рейха. Координация осуществлялась с промышленными и военными органами немецкой администрации, которые формировали потребности в кадрах и согласовывали маршруты поставок рабочей силы.

Принудительные мобилизационные меры сопровождались административными санкциями и бюрократической системой распределения, что делало процесс эксплуатационной интеграции населения институционально регламентированным.

Фискальные и имущественные меры эксплуатации реализовывались через налогообложение, конфискацию частной собственности и передачу концессий германским предприятиям для использования природных и промышленных ресурсов [22, с. 251–313]. Местные поступления направлялись на обеспечение оккупационных нужд, при этом выручка и сырьё перераспределялись в интересах оккупационной экономики. Административные акты и распоряжения закрепляли статус экспроприированных объектов и обеспечивали их интеграцию в экономические схемы рейха, что усиливало экономическую зависимость оккупированных территорий.

Депортация осуществлялась через планирование перемещений и координацию транспортной инфраструктуры местных ведомств. Гражданская администрация взаимодействовала с железнодорожными и пограничными службами для выделения подвижного состава, согласования сроков и обеспечения пропускной способности станций. Логистика включала составление графиков погрузки, назначение пунктов сбора и распоряжения о транзитных маршрутах для депортируемых групп.

Административные органы играли центральную роль в обеспечении принудительного труда посредством составления списков трудоспособного населения и установления квот для предприятий и строительных проектов. Ответственные чиновники контролировали распределение рабочей силы между хозяйственными и военными учреждениями и организовывали принудительные отправки к местам работы. Документация по квотам и распоряжениям использовалась для оперативного учёта и контроля выведения трудовых кадров.

Взаимодействие гражданской администрации с репрессивными органами осуществлялось через передачу полномочий, материальных ресурсов и оперативной информации полицейским структурам. Административные структуры координировали действия с подразделениями СС и айнзацгруппами при ликвидации групп населения, обеспечивая адресные списки, маршруты и транспорт. Такая практика обеспечивала синхронизацию гражданских распоряжений и силовых операций на местах.

Административные приёмы легитимации и сокрытия насилия включали эвфемизацию распоряжений и формирование формализованной отчётности для внешней и внутренней коммуникации. Ведомственная документация и правовые акты оформлялись таким образом, чтобы придать репрессивным мерам вид юридически обоснованных мероприятий и облегчить их исполнение чиновниками. Систематическое использование официальных форм и статистических сводок способствовало сокрытию реального масштаба насилия и обеспечивало практическую возможность продолжения массовых репрессий.

Силовое обеспечение политических планов на оккупированных территориях обеспечивали структуры «общих СС» и подразделения ваффен-СС. Командная иерархия строилась по принципу централизованного подчинения, с верховной ролью рейхсфюрера Г. Гиммлера в определении основных направлений деятельности. На локальном уровне это выражалось в делегировании полномочий руководителям соответствующих служб, отвечавшим за безопасность и проведение расовой политики. Иерархическая система включала центральные штабы, региональные и окружные звенья, обеспечивавшие передачу приказов и контроль за их исполнением. Линии подчинённости позволяли рейхсфюреру и его ближайшему окружению направлять как оперативные, так и политико-административные решения в адрес местных структур. Такая организация обеспечивала быстрое внедрение штабных директив в практику и синхронизацию действий между различными подразделениями СС. СС выступала как контролирующее и направляющее звено, формировавшее кадровые назначения и нормативы безопасности в интересах оккупационной администрации. В результате взаимоотношения между СС, гражданскими администрациями и партийными структурами образовывали единый аппарат реализации оккупационной политики.

Нормативно-правовые и административные инструменты СС включали приказы, инструкции, специальные постановления и формализованные процедуры, которые легитимировали репрессивные меры на оккупированных территориях. Эти документы фиксировали порядок взаимодействия с местными административными структурами и регламентировали меру вмешательства в гражданскую жизнь. «Согласно Уставу все свои ини-

циативы вновь провозглашенный национальный орган (Белорусская центральная рада, коллаборационистская администрация 1943–1944 гг.) должен был согласовывать с немецкой администрацией. Президента БЦР мог назначить только генеральный комиссар округа, который по рекомендации главы БЦР определял и её членов. Таким образом, даже с формальной точки зрения БЦР не обладала самостоятельностью и была полностью подконтрольна немецким властям» [45, с. 49]. Через систему приказов и формальных процедур СС обеспечивала правовое оформление депортаций, арестов и иных репрессивных мер, что облегчало взаимодействие с гражданскими ведомствами. Документы использовались для регламентации ответственности, утверждения списков и координации операций с полицией и административными структурами. Такая нормативная база служила инструментом унификации практик и создания видимости законности в осуществлении репрессивных мероприятий.

Оперативная практика СС в применении насилия включала организованные массовые задержания, систематические депортации и отборы для помещения в лагеря, а также проведение полицейских акций против гражданского населения. Методы исполнения опирались на заранее разработанные инструкции и на координацию с другими силовыми и административными звеньями, что обеспечивало широкомасштабное и целенаправленное применение силы. В результате такие операции служили непосредственным механизмом физического уничтожения и социальной дезорганизации оккупированных обществ.

Айнзацгруппы функционировали в рамках генеральной политики на Востоке и получили задачу действовать как инструмент реализации этой политики в оперативной плоскости. Их основной задачей было обеспечение «очищения» оккупированных территорий от элементов, рассматривавшихся как враждебные или препятствующие колонизационным планам. В идеологическом плане это соответствовало целям по радикальному изменению демографической и социальной структуры регионов. Формулировка приоритетных задач отражала сочетание идеологических установок и практических соображений безопасности тыла военных операций. Перед айнзацгруппами ставились задачи нейтрализации политических противников, уничтожения групп, объявленных нежелательными, а также подавления любого сопро-

тивления, которое могло угрожать контролю над территориями. Эти функции проектировались как необходимые для обеспечения условий дальнейшей эксплуатации и колонизации. В оперативном отношении приоритетной целью была быстрая и масштабная ликвидация избранных категорий населения с одновременным устрашением оставшегося населения.

В мае 1941 г. на оккупированных территориях были сформированы 4 айнцагруппы общей численностью около 3000 человек с литерным обозначением: айнцагруппа А располагалась в районе размещения группы армий «Север» в Прибалтике, айнцагруппа В – группы армий «Центр» в Белоруссии, айнцагруппа С – группы армий «Юг» на севере и в центральной части Украины, айнцагруппа D – 11-й армии на юге Украины, в Бессарабии, Крыму и на Кавказе. Айнцагруппы, в свою очередь, подразделялись на айнцакоманды и зондеркоманды (от 70 до 120 человек каждая).

Формировались данные подразделения из членов полиции безопасности (зипо) – гестапо и крипо, службы безопасности (СД), полиции порядка (орпо) и ваффен-СС. Комплектование личного состава основывалось на критериях идеологической лояльности и оперативной пригодности, при отборе учитывались готовность к исполнению задач и профессиональный опыт, полезный для полицейско-оперативной работы. Подготовка сочетала оперативное обучение и инструктаж по целям и методам действий, что обеспечивало быстрое развертывание на местах. Командно-штабная структура была иерархичной, с выраженной дисциплиной и разветвлёнными каналами подчинения. Механизмы оперативного контроля обеспечивались системой отчётности и надзора со стороны центральных органов безопасности, которые регулировали планы и оценивали результаты операций. Одновременно практическое управление включало координацию с иными государственными инстанциями, обеспечивавшими логистику и тыловую поддержку, что позволяло интегрировать действия формирований в общую систему оккупационной политики. Такой административно-оперативный контроль способствовал единообразию действий и оперативной эффективности при выполнении поставленных задач.

Идентификация целей осуществлялась на основе разведанных, местных сведений и критериев, определённых политикой

оккупационных властей; при этом акцент делался на расовой и политической принадлежности лиц и групп. Действия проводились в форме быстрых облав, фильтрации и выделения тех, кто подлежал немедленной ликвидации, что делало операции жестко ориентированными на массовое уничтожение. Процедуры часто планировались заранее с использованием собранной аналитической информации и местной агентуры. Доминировавшим способом физического уничтожения стали групповые расстрелы, дополнявшиеся применением мобильных средств убийства и организацией мест массовых захоронений для сокрытия масштабов преступлений. Организация погребений проектировалась так, чтобы обеспечивать быструю утилизацию тел и минимизировать внимание со стороны внешних наблюдателей, что облегчало проведение последующих операций.

Айнзацгруппы широко использовали взаимодействие с местными институтами и вспомогательными формированиями для выполнения своих задач, привлекая полицию, коллаборационистов и собственную агентуру для выявления и задержания целей. Вспомогательные силы применялись при охране, подборе и доставке жертв, а также при обеспечении материально-технической поддержки и охраны мест захоронений. Такая интеграция с местными структурами и координация с другими оккупационными органами обеспечивали масштабность и устойчивость операций, делая айнзацгруппы ключевым звеном институционального механизма преступлений и обуславливая дальнейший анализ механизмов координации.

Правовое и административное взаимодействие вермахта с СС определялось системой приказов и распоряжений, исходящих от высшего военного и партийного руководства. Показательным является приказ Кейтеля от 6 июня 1941 г. относительно обращения с политическими комиссарами Красной Армии: приказ обязал вермахт выдавать комиссаров, задержанных в тылу армии, айнзацгруппам или айнзацкомандам полиции безопасности и СД¹⁴. Эти документы формально устанавливали рамки сотрудничества, согласовывали задачи и зачастую оговаривали разграничение ответственности между военными и силами безопасности. На практике подобная регламентация сочеталась

¹⁴ Война против Советского Союза 1941–1945. Документальная экспозиция. 2-е изд. Берлин, 1991. С. 46.

с гибкими интерпретациями, что позволяло сторонам перераспределять функции в зависимости от оперативной необходимости. Административные механизмы координации включали как официальные каналы взаимодействия, так и неформальные контакты между штабами и местными комендатурами. Военные штабы обеспечивали распределение сил и материальных средств, а структуры безопасности курировали вопросы обработки населения и проведения массовых акций. Разграничение ответственности часто фиксировалось в оперативных сводках и приказах на местах, что отражало сложную межведомственную архитектуру. Такая система позволяла согласовывать действия для достижения общих целей, одновременно размывая границы ответственности между участниками.

На местах сотрудничество выражалось в проведении совместных карательных операций, где вермахт и подразделения СС действовали синхронно в рамках заранее разработанных планов. Вермахт обеспечивал окружение и блокировку районов, а айнзацгруппы и полицейские формирования выполняли функции идентификации, задержания и экстренных расправ. Такая совместная деятельность обеспечивала оперативность и масштабность акций против гражданского населения. В период с середины 1941 г. до конца 1942 г. большая часть убийств советских евреев айнзацгруппами происходила в зоне ответственности берюков (армейских тыловых районов).

В результате совместные операции становились систематизированным инструментом репрессий в оккупированных регионах. Обмен разведанными и координация наблюдения были ключевыми элементами сотрудничества, обеспечивавшими точечные удары по предполагаемым центрам сопротивления. Вермахт предоставлял информацию о передвижениях, коммуникациях и локальных условиях, в то время как службы безопасности вели целевые списки и подтверждали оперативные сведения. Такая модель отношений сокращала время на планирование и увеличивала эффективность акций, одновременно усиливая ответственность обеих сторон за последствия мероприятий. Обеспечение охраны и транспорта также являлось предметом разделения обязанностей: военные отвечали за тыловую безопасность и сопровождение колонн, а силы безопасности осуществляли контроль над объектами содержания и перегоном задержанных.

Распределение функций при проведении акций включало детальное планирование ролей, где каждая сторона выполняла специфические задачи в рамках общей операции.

Вермахт играл существенную роль в обеспечении логистики и сохранении секретности преступных операций, предоставляя тыловую поддержку, транспортные средства и гарантию безопасности коммуникаций. Военные структуры контролировали маршруты сообщения и могли ограничивать доступ внешних наблюдателей, что способствовало сокрытию как самих акций, так и последствий. Кроме того, задействование военной административной сети облегчало документальное оформление и передачу отчётности, часто маскируя характер проведённых мероприятий под военные операции. Такая интеграция логистики и коммуникаций усиливала способность участников оперативно реализовывать запланированные репрессии.

В проведении политики по уничтожению населения оккупированных территорий были задействованы подразделения вооружённых сил (вермахта). В тыловом районе группы армий, охватывавшем зону от непосредственного тыла линии фронта до границ рейхскомиссариатов, формировался берюк. На командующего берюком возлагалась исполнительная власть в соответствии с указаниями главнокомандующего группой армий, создавалась военная администрация (комендатуры). В зоне боевых действий и прилежащем тылу исполнительные функции осуществляло командование соответствующей армии. Основной задачей берюка было «обеспечение мира и порядка», охрана баз и путей снабжения, сбор припасов на оккупированной территории, охрана и перевозка военнопленных. Перед берюками ставилась задача военно-экономической эксплуатации территории.

В рамках обеспечения мира на берюки возлагалась организация борьбы с партизанским движением. Для обеспечения безопасности вермахтом было создано девять охранных дивизий, укомплектованных солдатами больших сроков. Для усиления им придавались вспомогательные войска, союзники, а также были организованы местные полицейские подразделения (шума).

Восточное министерство выступало центральным координирующим органом в формировании оккупационной политики и разработке нормативных директив для управления захваченными территориями. Министерство разрабатывало методологию

ческие установки и идеологические ориентиры, которые служили основанием для дальнейших административных и репрессивных мер на местах. Через подготовку планов и инструкций Министерство направляло действия местных аппаратов власти и согласовывало цели с верховным руководством режима. Кроме политико-идеологической функции, Министерство осуществляло распределение материальных и человеческих ресурсов, задавая квоты на продовольственные поставки, трудовые контингенты и изъятие имущества. Оно регулировало передачу ресурсов и обеспечивало логистическую базу для эксплуатации территории. Такая централизация позволяла увязать стратегические цели оккупационной политики с практическими механизмами её реализации.

Гражданская администрация функционировала как оперативное звено, связывающее директивы Восточного министерства с практической деятельностью силовых структур, включая СС и подразделения вермахта. Это взаимодействие проявлялось в обмене информацией, совместном планировании карательных мероприятий и распределении обязанностей между ведомствами. Административные органы обеспечивали нормативную и организационную основу для действий силовых структур, формируя порядок и последовательность операций. На уровне реализации гражданская администрация предоставляла списки, локальную разведывательную информацию и логистическую поддержку, тогда как СС и подразделения вермахта осуществляли непосредственное применение силы и организацию операций. Такое сочетание бюрократической подготовки и военной мобилизации способствовало систематизации репрессивных акций и превращению отдельных эпизодов насилия в согласованную политику. В результате взаимодействие административных и силовых институтов стало ключевым фактором институциональной координации преступлений на оккупированных территориях.

Разграничение компетенций между военной администрацией вермахта, органами СС и гражданскими управленческими структурами носило формальный и практический характер. Вермахт отвечал за поддержание общественного порядка и военную безопасность в оккупированных районах, в то время как органы СС концентрировали усилия на «расовой» политике и антитеррористических операциях. Гражданская администрация, подкон-

трольная Восточному министерству, занималась вопросами управления, хозяйственной эксплуатации и реализации идеологических установок высшего руководства. В реальности границы полномочий часто пересекались, что требовало постоянной координации. Централизованные директивы способствовали унификации подходов и превращению отдельных операций в часть единого плана. Такая бюрократическая синхронизация обеспечивала возможность осуществления массовых репрессивных и хозяйственных мер на системной основе.

Конфликты юрисдикций между айнзацгруппами, местными комендатурами и Восточным министерством возникали из различия задач и механизмов подчинения. Айнзацгруппы действовали в рамках своих специальных полномочий, направленных на ликвидацию «враждебных элементов», тогда как комендатуры решали вопросы повседневного управления и поддержания порядка. Восточное министерство стремилось навязать нормативы идеологического и административного характера, что нередко вступало в противоречие с оперативными практиками силовых структур. Такие противоречия приводили к необходимости институционального урегулирования и уточнения приказов сверху. Ведомственные и межведомственные инструкции выполняли функцию разграничения областей ответственности и согласования процедур реализации преступных приказов. В результате конфликтов юрисдикций происходила иерархизация исполнителей, что способствовало более последовательной реализации репрессивных мер.

Система распределения полномочий эволюционировала в зависимости от этапа оккупации и изменения военной обстановки. На ранних стадиях преобладала оперативная гибкость, когда военная администрация и силовые структуры действовали по ситуации, а гражданские структуры только формировались. По мере консолидации оккупационного режима и утверждения директив Восточного министерства полномочия упорядочивались и закреплялись на институциональном уровне. Военные поражения и изменение фронтовых реалий вновь сдвигали распределение зон влияния в сторону более оперативного и автономного принятия решений. Такая динамика приводила к временному усилению роли силовых подразделений в применении репрессий и к ускоренной адаптации гражданских и партийных

органов к новым условиям. В итоге сочетание формализованных назначений и тактической гибкости обеспечивало постоянство и масштабность преступной политики на оккупированных территориях.

Дискриминационные меры оформлялись посредством приказов ОКВ и распоряжений оккупационных органов, превращая произвольные акты в нормативно закреплённые практики. Такое нормативное оформление обеспечивало административную легитимацию мер и упрощало их исполнение на местах. Документы выполняли роль инструментария, через который общая политика перерабатывалась в конкретные регламенты и инструкции для исполнительных структур. «Пришедшая к власти гражданская администрация, имевшая в своем распоряжении охранные подразделения и полицейский аппарат, понимала недостаточность устрашающе-упреждающих мер и с немецким педантизмом приступила к экономической и правовой регламентации всех сторон жизни. В распоряжении комиссара города (штадт-комиссара) Брест-Литовска регулировались условия и оплата труда» [18, с. 22]. Эта цитата иллюстрирует процесс экономической и правовой регламентации, через который распоряжения местных комиссаров внедряли дискриминационные нормы в повседневную практику.

Идеологическая обработка персонала осуществлялась через систему инструктажей и пропагандистских материалов [22, с. 313–468], таким образом формировалось восприятие жертв как легитимных объектов репрессий. Инструктажи и методические указания переводили расистские постулаты в практические установки для исполнения, снижая моральные барьеры у исполнителей. Пропаганда служила средством постоянного повторения и закрепления дегуманизирующих образов в официальной и оперативной коммуникации. Технические формы идеологической обработки включали устные брифинги, письменные инструкции и тиражируемые материалы, направленные на унижение и обезличивание групп населения. Такая система подготовки персонала сочетала административные санкции с идеологическим давлением, делая дискриминационные решения рутинными и бесспорными. В результате содержание инструктажей и пропаганды способствовало готовности исполнителей к применению насилия в соответствии с предписанными задачами.

Расистские доктрины находили конкретное выражение в документах оперативного планирования, где идеологические установки согласовывались с практическими мерами. Оперативные планы включали указания по отбору целей, методам их уничтожения и распределению ролей между структурами, что превращало догмы в исполнительные инструкции. Такое согласование создавало прямую связь между теоретическими основаниями дискриминации и фактами массовых убийств. Документы оперативного планирования обеспечивали распределение ответственности и процедур, что придавало преступным действиям вид системной и даже технической реализации задач. Юридино-административные формулировки в планах и распоряжениях служили маскирующим слоем, снижающим очевидность преступности действий для исполнителей. В совокупности правовое оформление и идеологическая подготовка создали институциональные условия, при которых массовые убийства стали планомерной частью оккупационной политики.

Глава 3. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ, ЕЕ РОЛЬ В МЕХАНИЗМЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война (1941-1945 гг.) стала серьёзным испытанием для советского государства и его многонационального народа, потребовавшим мобилизации и консолидации всех общественных сил для достижения победы – победы, результатом которой явилось политическое и физическое выживание СССР и советских граждан. Уже в выступлении заместителя председателя Совета народных комиссаров СССР В.М. Молотова по радио 22 июня 1941 г. прозвучало, что «каждый из нас (советских граждан. – *А.Е.*) должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности... чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом»¹⁵.

¹⁵ Правда. 1941. 23 июня. № 172. С. 1 ; Выступление по радио заместителя председателя Совета народных комиссаров Союза ССР и народного комиссара иностранных дел тов. В.М. Молотова // В штабах Победы. 1941–1945. Документы. В 5 кн. Кн. 1. 1941. «Вставай, страна огромная» / Рос. гос. архив соци-

Несколько позже Советом народных комиссаров и ЦК ВКП(б) был подготовлен проект совместной директивы, обязывавшей «все партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организаций немедленно покончить... с беспечностью и отставанием в мобилизации всех наших организаций и всех сил народа для разгрома врага» и, что было важным, определившей конкретные направления деятельности: всесторонняя помощь армии (мобилизация запасного и военного имущества, организация снабжения и помощи раненым, предоставление помещений под госпитали и медицинских кадров), укрепление тыла армии (усиление работы всех предприятий, организация охраны стратегических объектов, работа с трудящимися по объяснению сложившейся ситуации, борьба с дезертирами, паникёрами и диверсантами)¹⁶.

3 июля 1941 г. положения, намеченные в директиве, были озвучены в выступлении И.В. Сталина по радио¹⁷, который подвёл итог идеологической подготовки советских граждан в условиях войны: целью войны стал вопрос жизни и смерти советского государства, свободы или порабощения народов СССР; только объединением всех сил государства, общества в целом и каждого гражданина в отдельности может быть достигнута победа; наконец, были определены приоритетные направления в работе органов советского государства.

Победа в войне стала закономерным результатом совокупных усилий всей страны, и важную роль в организации необходимых для этого мероприятий на фронте и в тылу сыграли органы советской власти, в том числе и прокуратура СССР, от работы которой во многом зависела эффективность предпринимаемых усилий. Теоретическую основу деятельности советского государства и прокуратуры составляла концепция «социалистической законности». Р.А. Руденко, проанализировав работы В. И. Ленина, отметил, что главные положения этой концепции могут быть

ально-политической истории совместно с ПАО АФК «Система»; отв. ред. А.К. Сорокин. Москва: Научно-политическая книга (НПК) [и др.], 2020. С. 42–44.

¹⁶ Проект директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) всем партийным и советским организациям о нападении фашистской Германии на СССР и об уничтожении противника: не позднее 29 июня 1941 г. // В штабах Победы... Кн. 1. 1941. «Вставай, страна огромная». С. 98–101.

¹⁷ Правда. 1941. 3 июля. № 182. С. 1; Текст выступления по радио И.В. Сталина о нападении фашистской Германии на СССР и о начале войны // В штабах Победы... Кн. 1. 1941. «Вставай, страна огромная». С. 112–118.

сведены к «общеобязательности советских законов, единству законности в советском государстве, недопустимости противопоставления законности и целесообразности, неразрывной связи законности с развитием правовой культуры населения, обязательности опоры на народ в борьбе за законность»¹⁸. Данный концепт с его идеей основополагающей роли государства, опирающегося на развитую в правовом отношении народную массу и действующего на основе общеобязательных законов, отвечал потребностям военного времени, тем задачам, которые были поставлены перед советским государством и обществом согласно вышеприведенным документам.

В советском государстве статус прокуратуры, особенности её организации и деятельности были закреплены в Конституции СССР 1936 г. Согласно ст. 113, действовавшей в военное время редакции Конституции, на Прокурора СССР возлагался «высший надзор за точным исполнением законов всеми Народными Комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР»¹⁹; аналогичное содержание имела ст. 117 Конституции РСФСР с необходимым уточнением об осуществлении надзора Прокурором СССР непосредственно, так и через Прокурора РСФСР²⁰.

При всей значимости конституционных положений, которые вносили важные изменения в характер прокурорского надзора, все же правовая основа организации и деятельности прокуратуры СССР была заложена Положением о прокуратуре СССР 1933 г. Этот правовой акт, действовавший до 1955 г., определял деятельность органов советской прокуратуры в годы войны. Согласно ст. 4 первоначальной редакции данного Положения на прокура-

¹⁸ Руденко Р.А. В.И. Ленин о социалистической законности // Вопросы борьбы с преступностью : сб. ст. / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер противодействия преступности. Москва : Юрид. лит., 1970. Вып. 11. С. 3–21.

¹⁹ Конституция (Основной закон) СССР : утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 5 декабря 1936 г. : в ред. от 1 марта 1941 г. URL: http://www.constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958682 (дата обращения: 31.08.2025).

²⁰ Конституция (Основной закон) РСФСР : утв. Постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г. : в ред. от 21 января 1937 г. URL: http://www.constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/red_1937/3959896 (дата обращения: 31.08.2025).

туру СССР были возложены следующие функции: «а) надзор за соответствием постановлений и распоряжений отдельных ведомств СССР и союзных республик и местных органов власти – Конституции СССР, постановлениям и распоряжениям правительства СССР; б) наблюдение за правильным и единообразным применением законов судебными учреждениями; в) возбуждение уголовного преследования и поддержание обвинения во всех судебных инстанциях на территории СССР; г) надзор на основе особого положения за законностью и правильностью действий ОГПУ, милиции и исправительно-трудовых учреждений; д) общее руководство деятельностью прокуратуры союзных республик»²¹.

М.В. Кожевников отмечал, что прокуратура 1935–1941 гг. сосредотачивалась на осуществлении: 1) высшего надзора за исполнением законов; 2) надзора и руководства органами расследования, входящими в систему прокуратуры (в отношении следственных органов милиции, НКВД и НКГБ – только надзор); 3) поддержания обвинения по уголовным делам и участия в суде при рассмотрении гражданских дел; 4) опротестования судебных решений, приговоров и определений; для периода 1941–1945 гг. перечень направлений аналогичен, с уточнением п. 2 – «надзор за органами дознания и предварительного следствия» [23, с. 89–107, 122–127]. Такой взгляд на приоритетные задачи в деятельности советской прокуратуры подтверждается архивными данными²².

В структуру прокуратуры СССР, помимо территориальных органов, входили и специализированные прокуратуры: Главная военная прокуратура Красной Армии – с 1933 г.; Главная прокуратура железнодорожного транспорта и Главная прокуратура водного транспорта – с 1936 г.; Главная прокуратура Военно-морского

²¹ Положение о прокуратуре СССР : утв. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 декабря 1933 г. // История советской прокуратуры в важнейших документах. Москва : Юрид. изд-во, 1947. С. 475–479. Отметим, что формулировки ст. 4 Положения при смысловом совпадении текстуально расходились со ст. 2 акта об учреждении прокуратуры, см.: Об учреждении прокуратуры СССР : Постановление ЦИК и СНК СССР от 12 июня 1933 г. // История советской прокуратуры в важнейших документах. Москва : Юрид. изд-во, 1947. С. 469.

²² См.: Из справки о работе прокуратуры Ленинграда по борьбе с преступностью и нарушениями законности с 1 июля 1941 г. по 1 августа 1943 г. Не ранее 1 июля 1943 г. // ЛОГАВ. Ф. Р-4380. Оп. 7. Д. 33. Л. 1–12.

флота – с 1939 г. Свою деятельность эти органы осуществляли на основе Положения о прокуратуре СССР 1933 г. и (или) особых положений, которые, по сути, воспроизводили содержание норм Положения 1933 г., конкретизированных по субъектам и объектам прокурорского надзора. Так, надзор за исполнением законов и уголовное преследование за правонарушения на железнодорожном и водном транспорте были возложены на прокуратуры железнодорожного транспорта и водного транспорта; в отношении гражданского воздушного транспорта – военные прокуратуры.

Деятельность органов военной прокуратуры еще в предвоенное время регулировалась Инструкцией военным прокурорам по осуществлению общего надзора за исполнением законов (1938 г.) и Наставлением по работе органов военной прокуратуры Красной Армии в военное время (1940 г.), согласно которым были выделены три основных направления деятельности: 1) борьба с преступностью, включавшая в себя надзор за дознанием (ст. 31), предварительным следствием по уголовным делам, производимым военными следователями (ст. 33) и в органах особого отдела УГБ НКВД СССР (ст. 40), предание суду (ст. 44–47) и судебный надзор (ст. 48–52); 2) общий надзор за точным исполнением законов (ст. 53–68) и 3) правовая пропаганда (ст. 69–76)²³.

С началом войны эти акты утратили силу в пользу Временного наставления по работе военных прокуроров РККА²⁴, которое, сохранив общую систему, переформулировало и увеличило число направлений деятельности: 1) надзор за деятельностью органов дознания (ст. 14–22); 2) следственная работа (ст. 23–88); 3) надзор за следствием в органах особых отделов НКВД СССР (ст. 89–94); 4) надзор за судебной деятельностью военных трибуналов (ст. 95–119); 5) общий надзор за исполнением законов

²³ Наставление по работе органов военной прокуратуры Красной Армии в военное время : Приказ Главного военного прокурора РККА от 16 сентября 1940 г. № 95 // Военная прокуратура Красной Армии в годы Великой Отечественной войны. Учеб. пособие. В 3 т. Т. 3 / С.В. Маликов, И.В. Мишуткин, А.С. Сливков [и др.]. Москва : Военный ун-т Минобороны России, 2021. С. 137–180.

²⁴ Временное наставление по работе военных прокуроров РККА : Приказ Главного военного прокурора РККА от 15 сентября 1941 г. № 53. Москва : Типогр. им. Воровского, 1941. 73 с.

(ст. 120–194); 6) правовая пропаганда (ст. 195–198); 7) мобилизационная работа (ст. 199–201); 8) работа среди населения (ст. 202–204). Аналогичным образом осуществляли свою деятельность военные прокуроры ВМФ.

С началом войны функции прокуратуры СССР сохранились в прежнем виде, но были определенные изменения в направлениях деятельности. Частично эти перемены были связаны с обновлением правовой основы, как это случилось с военной прокуратурой Красной Армии, а частично – с военной ситуацией. Президиум Верховного Совета СССР 22 июня 1941 г. принял указ «О военном положении»²⁵, и в тот же день военное положение было введено на отдельных территориях СССР²⁶. В силу объявленного военного положения органы прокуратуры союзных республик СССР, ряда автономных республик и областей РСФСР, а также прокуратур железнодорожного и водного транспорта в Европейской части СССР были переведены на положение военных²⁷, а их полномочия расширены, прежде всего в части надзора за деятельностью органов военной юстиции²⁸; в апреле и мае 1943 г. военное положение было введено на всех железных дорогах, морских и речных бассейнах²⁹. После достиже-

²⁵ О военном положении : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. // В штабах Победы... Кн. 1. 1941. «Вставай, страна огромная». С. 46–49.

²⁶ Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. // В штабах Победы... Кн. 1. 1941. «Вставай, страна огромная». С. 50–51.

²⁷ См., напр.: Постановление Военного совета Ленинградского фронта о преобразовании Городского суда и Городской прокуратуры в Военный трибунал и Военную прокуратуру. 4 декабря 1941 г. // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 36. Д. 63. Л. 214.

²⁸ Об утверждении положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. // История советской прокуратуры в важнейших документах. С. 515–519 ; О предоставлении военным прокурорам и председателям военных трибуналов фронтов и флотов права опротестования приговоров и определений военных трибуналов : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 августа 1941 г. // История советской прокуратуры в важнейших документах. С. 519 ; Временное наставление по военным прокурорам ... С. 5.

²⁹ О введении военного положения на всех железных дорогах : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1943 г. // История советской прокуратуры в важнейших документах. С. 521 ; О введении военного положения

ния коренного перелома в ходе войны и по мере освобождения территории от оккупантов начался процесс демобилизации территориальных органов прокуратуры.

Гораздо существеннее начало Великой Отечественной войны отразилось на задачах, поставленных перед прокуратурой СССР, поскольку они обуславливались целями и требованиями законов; состояние нормативной правовой базы, в свою очередь, должно было отвечать интересам государства, ситуации на фронте и в тылу. Во-первых, общая задача прокуратуры, зафиксированная в ст. 1 Положения о прокуратуре СССР 1933 г. «Укрепление социалистической законности и охрана общественной собственности от покушения со стороны противообщественных элементов на всей территории СССР», сохранялась, тогда как задачи более низкого уровня менялись в соответствии с потребностями времени. Во-вторых, корректировка задач преимущественно коснулась территориальных органов советской прокуратуры, тогда как задачи военных, в том числе мобилизованных, прокуратур в военное время были определены изначально и только уточнялись.

Так, в ст. 1 Наставления о работе органов военной прокуратуры Красной Армии отмечалось единство задач в военное и мирное время – это «надзор за точным исполнением законов в Красной Армии и борьба с преступностью»³⁰. Во Временном наставлении по работе военных прокуроров задачи были уточнены: «а) борьба с враждебными контрреволюционными элементами, пытающимися подорвать или ослабить мощь РККА и обороноспособность страны; б) борьба с трусами, дезертирами, паникёрами и иными дезорганизаторами; в) укрепление советской воинской дисциплины в частях и учреждениях РККА и всемерное способствование поднятию авторитета командира (начальника) и военного комиссара; г) охрана государственных средств и имущества от расхищения, разбазаривания и порчи; д) борьба с несвоевременным и недоброкачественным снабжением войск

на морском и речном транспорте : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1943 г. // История советской прокуратуры в важнейших документах. С. 522.

³⁰ Наставление по работе органов военной прокуратуры Красной Армии в военное время. С. 137.

вооружением, снаряжением, продовольствием и обмундированием; е) охрана тыла»³¹.

Специфика деятельности военных прокуратур также сказывалась на перечне задач. Например, для военной прокуратуры железнодорожного транспорта добавлялись борьба со срывами работ по заграждению, восстановлению и строительству объектов железнодорожной инфраструктуры, с авариями железнодорожного транспорта, нарушениями правил техники безопасности и др. [8, с. 223].

Что касается задач территориальных органов прокуратуры СССР, то в условиях начавшейся войны они были пересмотрены. В предвоенные годы ориентиры в работе советской прокуратуры определялись общей задачей органов надзора. Материалы журнала «Социалистическая законность» показывают, что в центре внимания прокуроров находились исполнение законов об охране социалистической собственности в промышленности, сельском хозяйстве и на транспорте, в частности выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции, несоблюдение обязательных стандартов, мелкие кражи на производстве, а также незаконная продажа, обмен и отпуск на сторону оборудования и материалов (Указы Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г., 10 августа 1940 г. и 10 февраля 1941 г.), поддержание трудовой дисциплины – борьба с самовольными уходами (Указы от 26 июня 1940 г. и 2 октября 1940 г.), а также исполнение жилищного и семейного законодательства [23, с. 81–85, 89–107]. Эти задачи прокурорского надзора не утратили своего значения и после начала войны [43, с. 29–34], более того, к ним добавилась борьба со спекуляцией продовольственными и промышленными товарами и карточками [35, с. 194–206; 36, с. 248–251].

Организация сопротивления врагу на фронте и в тылу потребовала принятия важных правовых актов, надзор за исполнением которых пополнил список задач советской прокуратуры. Ориентиры в деятельности прокуратуры СССР были поставлены в выступлении И.В. Сталина³²:

³¹ Временное наставление по работе военных прокуроров ... С. 7–8.

³² Перечень задач, который был выделен историком органов прокуратуры М.В. Кожевниковым [23, с. 110–119], подтверждаемый последующими иссле-

1) мобилизация населения в вооруженные силы³³, в том числе введение обязательной военной подготовки мужчин от 16 до 50 лет [23, с. 115];

2) эвакуация предприятий и населения;

3) обеспечение вооружённых сил необходимым снаряжением [39, с. 19–27];

4) борьба с распространителями ложных слухов [23, с. 114];

5) защита прав эвакуированных, военнослужащих и членов их семей³⁴, а также борьба с беспризорностью и безнадзорностью [38, с. 38–51]. После достижения коренного перелома в ходе войны перед советской прокуратурой была поставлена задача возобновления своей деятельности на освобождённых от оккупации территориях, в том числе восстановление государственной собственности [59, с. 107–112]³⁵.

Во время войны важными задачами являлись уголовное преследование советских военнослужащих, виновных в совершении воинских преступлений, и надзор за судебными органами [23, с. 115; 58, с. 191–196; 13, с. 82–85]. Со временем советские прокуроры стали осуществлять надзор за предварительным следствием, поддержание обвинения в отношении военных преступников в военно-полевых судах, военных трибуналах, на от-

дователями [63, 169–170; 37, с. 240–244; 42, с. 196–198; 15, с. 102–109; 16, с. 10–17].

³³ Из спецдонесения прокурора ТАССР Д.Н. Исупова Прокурору РСФСР А.А. Волину о работе органов прокуратуры Татарской АССР в связи с объявлением мобилизации. 9 июля 1941 г. // ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. Д. 146. Л. 153–155 ; Письмо помощника Прокурора Союза ССР П. Кудрявцева прокурору Курской области Е.Ф. Коновалову о дезертирстве рабочих с Орского завода металлического оборудования. 6 октября 1943 г. // ГАКО. Ф. Р-369. Оп. 3. Д. 1. Л. 435 ; Информация прокурора Курской области Е.Ф. Коновалова Прокурору СССР действительному государственному советнику юстиции К.Н. Горшенину о принимаемых мерах по фактам укрывательства дезертиров с оборонных предприятий. 13 сентября 1944 г. // ГАКО. Ф. Р-369. Оп. 3. Д. 2. Л. 97 об.

³⁴ Директивное письмо Прокурора РСФСР А.А. Волина прокурору Курской области Е.Ф. Коновалову о соблюдении законов в отношении семей военнослужащих. Гор. Москва, 17 мая 1944 г. // ГАКО. Ф. Р-369. Оп. 3. Д. 2. Л. 97 об.

³⁵ Предписание Прокурора СССР прокурору Курской области по надзору за делами о расхищении военного имущества, об изменниках Родины и нарушителях государственной дисциплины. 6 апреля 1943 г. // ГАКО. Ф. Р-369. Оп. 3. Д. 1. Л. 128–128 об. ; Распоряжение Нальчикской районной прокуратуры председателю сельского Совета сел. Чегем I об информировании о случаях незаконного присвоения государственного и общественного имущества отдельными гражданами. 31 января 1943 г. // ЦГА КБР. Ф. 574. Оп. 1. Д. 17. Л. 12.

крытых судебных процессах, проходивших на территории СССР [6, с. 72–77].

Деятельность советской прокуратуры по уголовному преследованию нацистских преступников представляла собой уникальный правовой феномен, сочетавший идеологические императивы с юридическими процедурами. В условиях разрушенной инфраструктуры и ограниченных ресурсов органы прокуратуры столкнулись с задачей документального подтверждения преступлений против человечности. Организационные механизмы советской прокуратуры в этот период демонстрировали адаптивность к экстремальным условиям военного и послевоенного времени. Специфика работы заключалась в необходимости синхронизации действий с органами государственной безопасности при сохранении формальных процессуальных гарантий. Эта двойственность порождала правовые коллизии, анализ которых позволяет реконструировать масштабы и ограничения советской модели правосудия.

В современной историографии сохраняются существенные пробелы в изучении оперативного взаимодействия прокурорских работников со следственными подразделениями при расследовании нацистских преступлений. Отсутствие систематизированных данных о методиках сбора доказательств в условиях разрухи затрудняет объективную оценку эффективности этой работы. Особого внимания заслуживает вопрос о степени самостоятельности прокуроров при формировании обвинения в условиях того времени. Архивные материалы свидетельствуют о сложностях в документировании военных преступлений, связанных с массовой гибелью свидетелей и уничтожением материальных доказательств [3]. Эти обстоятельства вынуждали прокуратуру разрабатывать нестандартные процессуальные подходы, чья правомерность требует тщательного анализа. Опыт советской прокуратуры демонстрирует механизмы правовой квалификации преступлений, совершённых в условиях тотального насилия. Эти наработки сохраняют значение для современных трибуналов, рассматривающих дела о геноциде и преступлениях против человечности, например, в Ленинградской области [см. 48, с. 134–152]. В научном плане они приобретают значимость в контексте борьбы с ревизионистскими концепциями, пытающимися девальвировать историческую роль СССР.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г.³⁶ стал исходным нормативным актом, определившим рамки ответственности за военные преступления на советской территории. Этот документ закрепил принцип уголовной ответственности за действия немецко-фашистских захватчиков и их пособников. Указ был принят в условиях продолжавшейся войны и стал первым системным ответом на массовые преступления против мирного населения и военнопленных. На практике Указ обеспечил правовую основу для возбуждения уголовных дел и проведения следственных и судебных мероприятий в отношении виновных в военных преступлениях. Он подтвердил полномочия органов прокуратуры инициировать расследования и добиваться передачи дел в соответствующие суды. Тем самым документ способствовал интеграции оперативно-следственной и судебной практики в условиях чрезвычайного правового режима. В правовой системе Советского Союза Указ занял место базового акта, определявшего внутренние процедуры уголовного преследования за преступления оккупантов. Его значение заключается в том, что он создал нормативную процедуру для документирования преступлений, привлечения виновных и реализации наказаний, предусмотренных советским уголовным правом. Анализ содержания и функций этого Указа позволяет лучше понять, как формировалась советская прокурорская практика и какие предпосылки имели международные инициативы в послевоенный период.

Ведомственные инструкции 1943–1945 гг. формулировали методологические принципы сбора доказательств, ориентированные на системность и документальную проверяемость. Особое внимание уделялось сочетанию письменных источников, вещественных доказательств и результатов экспертиз с показаниями свидетелей. Инструкции требовали строгого соблюдения процедур сохранения следов и оформления процессуальных документов для их предъявления в суде. В них подчеркивалась роль

³⁶ О мерах наказания для фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. // В штабах Победы... Кн. 3. 1943. «Ломая упорное сопротивление врага...». С. 184–187.

материалов Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (ЧГК) в качестве источника и основы уголовного преследования. Материалы ЧГК стали основой для привлечения к уголовной ответственности военных преступников.

В ноябре 1942 г. Советское государство установило принцип уголовной ответственности для немецко-фашистских захватчиков и их пособников за совершение ими таких преступлений на территории СССР. На основании этого инструктажи прокуроров и следователей определяли приоритеты в квалификации преступлений и стандарты документирования для последующего юридического оформления обвинений.

Процедуры взаимодействия территориальных прокуратур с органами НКВД при расследовании преступлений на оккупированных территориях предусматривали создание совместных следственных групп и обмен оперативной информацией. Прокуратура осуществляла надзор за законностью действий следователей и утверждение процессуальных решений, а НКВД обеспечивал режимную и оперативную поддержку следственных мероприятий. Такая координация направлялась на оперативное закрепление доказательной базы и подготовку материалов к судебному рассмотрению.

Нормативное закрепление особого порядка документирования преступлений против мирного населения оформлялось через специальные предписания по фиксации ущерба и идентификации пострадавших и виновных. На Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию злодеяний были возложены задачи полного учёта преступлений немцев, определения ущерба, нанесенного оккупантами, и установления личностей преступников во всех случаях, где это представляется возможным.

В национальных судах СССР открытые судебные процессы над нацистскими преступниками велись с применением норм Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, которые регулировали порядок обвинения, доказательственной деятельности и судебного разбирательства. Кодекс определял процессуальные рамки для работы прокуратуры, включая права прокурора на инициирование обвинения, участие в суде и контроль за законностью

следственных действий. Практика применения Кодекса отражала необходимость соблюдения процедурной формальности при рассмотрении тяжких военных преступлений. Ещё в условиях войны были проведены Краснодарский (июль 1943 г.), Краснодарский (август 1943 г.) и Харьковский (декабрь 1943 г.) процессы над коллаборантами. После окончания боевых действий, в декабре 1945 – феврале 1946 г., состоялись Смоленский, Брянский, Ленинградский, Николаевский, Минский, Киевский, Великолукский и Рижский процессы; в 1947 г., в условиях окончания Нюрнбергского процесса и начавшейся холодной войны, были организованы и проведены 9 процессов – Сталинский, Бобруйский, Севастопольский, Черниговский, Полтавский, Витебский, Кишенёвский, Новгородский и Гомельский. Данные примеры подтверждают, что указанные открытые процессы проводились в рамках применения норм УПК РСФСР и предназначались для публичного осуждения военных преступлений и фиксации доказательной базы.

Помимо них проводились закрытые судебные заседания военных трибуналов войск МВД над иностранными военнопленными, привлекавшимися к уголовной ответственности за преступления, совершённые ими как во время войны, так и в период нахождения в лагерях [3, с. 417].

Полевые прокурорские группы формировались для оперативного документирования преступлений на освобождённых территориях и обеспечения законности последующих процессуальных действий. Их деятельность включала фиксацию места преступления, опись и сохранение вещественных доказательств, а также организацию первичных следственных мероприятий. Мобильность таких групп уменьшала риск утраты доказательной информации и обеспечивала её использование в уголовных производствах. Прокурорские формирования тесно взаимодействовали с местными комиссиями по учёту преступлений оккупантов, что обеспечивало доступ к систематизированным материалам расследования. Так, по материалам Белорусской Республики отмечалось, что «для содействия в работе ЧГК СССР в БССР были организованы республиканская, областные, городские и районные комиссии. В сборнике широко представлены документы этих комиссий. В их числе протоколы, акты, справки, сведения и др.» [2, с. 10].

Для всесторонней фиксации доказательств применялись комплексные методы, включавшие эксгумации в местах массовых захоронений, систематизированные опросы свидетелей и изъятие документальных подтверждений. Работы по эксгумации сопровождались оформлением актов и экспертных заключений, которые затем включались в материалы уголовных дел. Внутри прокурорских процедур уделялось внимание сохранности и прослеживаемости вещественных доказательств для обеспечения их допустимости в судебных разбирательствах.

Координация между прокуратурой, ЧГК и военными структурами обеспечивала создание единой доказательной базы по военным преступлениям. Это выражалось в обмене оперативной информацией, передаче вещественных и документальных материалов, а также в совместной организации следственных мероприятий. Единая база позволяла согласовывать правовую квалификацию деяний и упрощала подготовку материалов для национальных и международных судебных процессов.

Правовая база прокурорского надзора включала и специальные директивы и инструкции, разработанные для координации действий следственных органов при расследовании нацистских преступлений. Эти нормативные акты регламентировали порядок взаимодействия, установление компетенций и порядок ведения документирования следственных действий. Нормативы также содержали указания по обеспечению сохранности доказательств и координации работы между различными инстанциями на местах.

Система взаимодействия прокуратуры со следственными органами предусматривала регулярные проверки соблюдения сроков расследования и процессуальных норм. Прокурорские проверки включали анализ хода следствия, соответствие процессуальным требованиям и необходимость устранения нарушений путем представления замечаний и предписаний надзирательного характера. Регулярный контроль сопровождался требованием документального подтверждения предпринимаемых мер и отчетности о результатах исправлений.

Контроль за законностью следственных действий осуществлялся через санкционирование арестов, обысков и других мер процессуального принуждения. Прокурорская санкция выполняла

функцию правовой фильтрации мер, направленных на ограничение свободы и вмешательство в частную сферу, что снижало риск незаконных действий со стороны следствия. При этом фиксировались основания для применения мер и требования к протоколированию, что создавало основу для последующего прокурорского или судебного пересмотра.

Оценка достаточности доказательной базы перед передачей дела в суд проводилась прокурорами в рамках многоуровневой системы утверждения обвинительных заключений. На разных уровнях прокурорской иерархии проверялась полнота материалов, соответствие квалификации деяний и наличие документальных подтверждений, необходимых для судебного разбирательства. Учет таких материалов в процессе утверждения обвинений демонстрирует практическую значимость проверки доказательств перед направлением дел в суд.

Серьезную проблему для реконструкции событий военных преступлений создавало физическое уничтожение документальных доказательств в ходе боевых действий. Многие формальные источники были утеряны или повреждены, что усложняло установление хронологии и вины отдельных лиц. В результате следственным органам приходилось опираться на фрагментарные материальные остатки и воспоминания свидетелей, что повышало риски ошибок и недостоверных интерпретаций.

Политизация судебных процессов влияла на отбор свидетелей и интерпретацию их показаний в контексте идеологических установок [2, с. 9]. Такие условия требовали от прокуратуры дополнительных усилий по проверке и сопоставлению показаний, а также аккуратного документирования процедур с целью минимизации идеологического искажения доказательной базы.

Трудности установления контактов с иностранными свидетелями и экспертами усугублялись международной изоляцией СССР в первые послевоенные годы. Ограничения на пересечение границ, слабая дипломатическая коммуникация и разрушенная транспортная инфраструктура затрудняли обмен материалами и приглашение специалистов. Это снижало возможности проведения очных опросов и экспертиз в сотрудничестве с зарубежными специалистами, что отразилось на полноте и объективности расследований.

Психологическое давление на выживших жертв нацизма снижало достоверность получаемых свидетельских показаний. Травматический опыт, страх репрессий и социальная стигматизация приводили к неполным или противоречивым показаниям, а также к воздержанию от свидетельств. Для прокуратуры это означало необходимость сочетать показания с другими видами доказательств и учитывать психологические факторы при оценке достоверности.

Более того, в условиях массовых военных преступлений потребовались адаптация уголовно-процессуальных норм, разработка специальных процедур доказывания. Эти процедуры предусматривали систематизацию показаний многочисленных свидетелей, широкое использование документальных источников и комплексную криминалистическую реконструкцию событий.

Создание межведомственных следственных групп позволило скоординировать усилия прокуратуры, органов госбезопасности и военных трибуналов. В составе таких групп осуществлялась совместная выработка линий расследования, обмен оперативной информацией и унификация подходов к сбору улик. Координация сокращала временные задержки при передаче материалов и компенсировала территориальную фрагментацию компетенций между ведомствами. Централизованное планирование следственных действий через специальные отделы НКВД/МГБ компенсировало недостаток местных ресурсов. Руководство из центра обеспечивало мобилизацию технических специалистов, транспорт и доступ к архивным материалам, необходимым для всестороннего расследования. Такое централизованное управление также способствовало выработке единых методик и оперативному перенаправлению следственных усилий в наиболее приоритетные районы.

Применение норм УК РСФСР 1926 г. к преступлениям, совершенным в ходе военных действий, требовало оперативной адаптации правоприменительной практики к обстоятельствам массовых и системных нарушений. В государственном реагировании было закреплено признание широкого круга деяний как уголовно наказуемых, что фиксировалось и в практических указаниях по преследованию оккупантов: пытки, истязания, убийства мирных граждан, насильственный увоз в иноземное

рабство мирного населения, всеобщее ограбление городских и сельских жителей и вывоз в Германию их личного имущества, а также колхозного и государственного имущества; разрушение памятников искусства и культуры, расхищение художественных и исторических ценностей, разрушение зданий и разворовывание имущества религиозных культов. За указанные деяния ко всем преступникам применялись либо расстрел, либо тюремное заключение.

Специфика заключалась также в необходимости соотнесения военных преступлений и преступлений против человечности с формально предусмотренными в УК составами, что требовало методической конкретизации со стороны прокуратуры. Судебная практика демонстрировала стремление обеспечить соразмерность наказания и чёткое формулирование обвинений в условиях ограниченного прецедентного аппарата. В этой связи роль прокурорских инструкций была ключевой для унификации подходов к квалификации деяний и применению санкций в рамках действовавшего законодательства.

Доказательная проблематика индивидуальной вины усугублялась массовым характером преступлений, наличием организованных структур и различной степени причастности исполнителей и руководителей. В практике следствия и суда встречались как прямые признания вины, так и попытки отрицания знания о преступных условиях, что осложняло вывод о наличии у обвиняемого необходимого умысла. «Я признаю себя виновным в том, что участвовал в осуществлении этого странного мероприятия германского командования. Прошу только учесть, что я не знал о режиме содержания советских граждан в лагерях вблизи Озаричей. ВОПРОС. И, тем не менее, активно участвовали в этом гнусном злодеянии фашистской банды? ОТВЕТ. Да, признаю свою вину в том, что участвовал в этом преступлении. В то время я был лишён человеческих чувств сострадания, и мне была совершенно безразлична судьба сотен советских граждан, стонящихся в лагерь в Озаричах» [2, с. 102].

Открытое судопроизводство в делах нацистских преступников выполняло одновременно правовую и публичную функцию, способствуя информированию общества о характере преступлений и мерах ответственности. Публичность процедур усиливала легитимность принимаемых судебных решений и способствовала

консолидированному восприятию приговоров как элемента восстановления справедливости. В практическом плане открытые процессы требовали от прокуратуры тщательной подготовки доказательной базы и выработки убедительных обвинительных позиций, что также обусловило последующее усиление прокурорского надзора.

Советская прокуратура успешно справилась с теми задачами, которые были на неё возложены Советским государством в годы войны и в первые послевоенные годы. Опыт преодоления процессуальных сложностей в чрезвычайных условиях выявил стратегическую гибкость прокурорского надзора. Несмотря на политическое давление и ограниченный доступ к доказательствам, следственные органы выработали эффективные методы фиксации свидетельских показаний и вещественных улик, а прокуратура – установления фактов совершённых преступлений и виновности конкретных лиц. Деятельность советской прокуратуры также значима как инструмент формирования коллективной памяти о нацистских преступлениях. Через судебные процессы и документальную фиксацию злодеяний была создана правовая основа противодействия ревизионизму.

Глава 4. ИТОГИ И УРОКИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛОВ НАД ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ

Нюрнбергский процесс (Международный военный трибунал) стал первым судебным процессом над лидерами нацистской Германии по результатам Второй мировой войны. Процесс проходил с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. В рамках Международного трибунала страны-победительницы (СССР, США, Англия и Франция) обвиняли лидеров нацистской Германии в совершении военных и иных преступлений в 1939–1945 гг.

Правовую основу для создания Международного военного трибунала для суда над военными преступниками Германии составило Лондонское соглашение между СССР, США, Великобританией и Францией от 8 августа 1945 г. [29]³⁷. Документ содержал 7 статей:

³⁷ Соглашение между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции о судебном преследовании и наказании главных военных преступ-

1. Международный военный трибунал создан для суда над военными преступниками, преступления которых не связаны с определённым географическим местом, независимо от того, будут ли они обвиняться индивидуально или в качестве членов организаций или групп, или в том и другом качестве.

2. Для Трибунала определены порядок организации, юрисдикция и функции.

3. Каждая из стран обязана представить для расследования обвинений и суда всех важных военных преступников, которые содержатся под стражей.

4. Подписываемое соглашение не отменяет Московскую декларацию 1943 г.³⁸, согласно которой всех военных преступников надлежало вернуть в те населённые пункты, где они совершали свои зверства, и там их судить.

5. Любой участник ООН может присоединиться к заключённому соглашению.

6. Соглашение не отменяет других судов, которые уже созданы или будут созданы в будущем.

7. Соглашение вступает в силу с момента подписания и действует 1 год.

Составной частью Лондонского соглашения стал Устав Международного военного трибунала, в котором определялись важнейшие вопросы организации и юрисдикции Трибунала, а также процессуальные гарантии обвиняемых³⁹.

Перед началом Нюрнбергского процесса в Берлине были проведены два заседания, на которых обсуждались организационные вопросы. Первое заседание прошло 9 октября в здании Контрольного совета в Германии. На нем рассматривались незначительные вопросы – форма одежды судей, председательство, организация перевода на четыре языка, формат защиты и т. д.

ников европейских стран Оси от 8 августа 1945 г. // Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7 т. Т. 1. Москва : Госюриздат, 1957. С. 63–65.

³⁸ Московская декларация 1943 г. Декларация четырёх государств по вопросу о всеобщей безопасности от 30 октября 1943 г. // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. В 3 т. Т. 1. Москва : Госполитиздат, 1944. С. 360–361.

³⁹ Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран Оси // Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. В 2 т. Т. 1. Москва : Госюриздат, 1954. С. 15–21.

Второе заседание прошло 18 октября в том же здании Контрольного совета. Это заседание, в отличие от первого, было открытым и было созвано для принятия обвинительного заключения. Так объявил председатель собрания, генерал-майор юстиции И.Т. Никитченко.

Обвинительное заключение было направлено против высшего командования вермахта, а также против подконтрольных ему организаций: правительства, руководства партии, охранных отрядов партии – СС, службы безопасности партии – СД, гестапо (тайной полиции), штурмовых отрядов партии – СА, генерального штаба и высшего командования германской армии.

Обвинение было предъявлено следующим лицам: Геринг, Гесс, Риббентроп, Лей, Кейтель, Кальтенбруннер, Функ, Шахт, Розенберг, Франк, Фрик, Штрейхер, Крупп, Болен, Гальбах, Дениц, Редер, Ширах, Заукель, Йодль, Борман, Папен, Зайс-Инкварт, Шпеер, Нейрат и Фриче.

Обвинения Нюрнбергского трибунала заключались в четырех основных пунктах.

Во-первых, заговор с целью захвата власти в Германии. Обвиняемым ставилось в вину то, что они все были участниками национал-социалистической партии, участвовали в заговоре с целью захвата власти, осознавая последствия, к которым это приведёт. Партия создала четыре постулата, которые стали основой заговора. Эти постулаты позволили контролировать всю германскую общественность посредством навязывания им доктрины превосходства немецкой расы (арийцев), необходимости войны для достижения справедливости, сосредоточения всей полноты власти в руках фюрера как единственного человека, достойного управлять Германией. Дальнейшие обвинения по данному пункту касались установления тотального контроля над всеми сферами жизни немецкого государства, с помощью которого стала возможной военная агрессия.

Во-вторых, преступления против мира. Эти преступления связаны с развязыванием войн: 1 сентября 1939 г. – против Польши, 3 сентября 1939 г. – против Франции и Великобритании, 9 апреля 1940 г. – против Дании и Норвегии, 10 мая 1940 г. – против Голландии, Бельгии и Люксембурга, 6 апреля 1941 г. – против Греции и Югославии, 22 июня 1941 г. – против СССР и 11 декабря 1941 г. – против США.

Обращает на себя внимание, что пять из семи представленных дат вопросов не вызывают – в эти дни действительно начались войны против указанных государств, но какие войны были начаты 3 сентября 1939 г. и 11 декабря 1941 г.? На каком участке фронта немецкое военное командование начало войну против Англии и Франции, или против США? На самом деле Германия развязала войну с Польшей, за что 3 сентября 1939 г. Англия и Франция объявили ей войну, а 11 декабря 1941 г. США объявили войну Германии после того, как последняя уже воевала с огромным количеством стран, включая СССР, и после нападения на Пёрл-Харбор японцев, а не немцев.

В-третьих, военные преступления. Руководство нацистской Германии было обвинено в следующих военных преступлениях:

а) убийство и жестокое обращение с гражданским населением. Достаточно привести только цифры о том, что, согласно обвинительному заключению, только в СССР данное преступление со стороны Германии затронуло порядка 3 млн человек;

б) угон гражданского населения в рабство. В обвинении говорилось о 5 млн граждан СССР, 750 тыс. граждан Чехословакии, порядка 1,5 млн французов, 500 тыс. голландцев, 190 тыс. бельгийцев, 6 тыс. люксембуржцев, 5,2 тыс. датчан;

в) убийство военнопленных и жестокое обращение с ними;

г) убийство заложников;

д) наложение коллективных штрафов. Данная система применялась Германией во многих странах, но не в СССР. Коллективная ответственность предполагала выплату штрафа всем населением за действия отдельных лиц. За годы войны коллективных штрафов было выписано на сумму более 1,1 трлн франков;

е) расхищение частной и общественной собственности. В заявлении Нюрнбергского трибунала говорилось о том, что в результате расхищения частной и общественной собственности ущерб Франции составил 632 трлн франков, Бельгии – 175 млрд бельгийских франков, СССР – 679 трлн рублей, Чехословакии – 200 трлн чехословацких крон;

ж) разрушения, не обусловленные военной необходимостью. Речь идет о разрушении городов, деревень и населенных пунктов;

з) принудительная вербовка рабочей силы, прежде всего среди гражданского населения. Например, за период с 1942 по 1944 г. во Франции было насильственно привлечено к работам в Германии 963 тыс. человек. Ещё 637 тыс. французов работали на немецкую армию во Франции. Данные по другим странам в обвинении не уточнялись. Сообщалось лишь об огромном количестве пленных в СССР;

и) принуждение присягать на верность иностранному государству.

В-четвертых, преступления против человечности.

В обвинении фигурировали и общие для всех участников обвинения – это способствование приходу к власти нацистов, укрепление их порядков в Германии, подготовка к войне, совершение военных преступлений, преступлений против человечности, включая преступления против отдельных лиц. Дополнительные обвинения были у каждого свои.

Дела всех обвиняемых рассматривались в очном порядке, а дело Мартина Бормана – заочно. В отношении Круппа, признанного больным, дело было приостановлено. Лей покончил жизнь самоубийством 26 октября 1945 г., и его дело было закрыто по причине гибели подозреваемого.

На опросе подсудимых 20 ноября 1945 г. все признали себя невиновными.

Завершился Нюрнбергский трибунал вынесением приговора 1 октября 1946 г. По приговору 11 человек были приговорены к смертной казни через повешение, 6 – к тюремному заключению и 3 были оправданы.

Решения Нюрнбергского трибунала послужили источником юридических ориентиров, применённых при адаптации норм международного права в советскую правовую систему. Советская юридическая мысль и практическая деятельность прокуратуры опирались на международные определения преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности, обеспечив тем самым правовую базу для уголовного преследования виновных. Адаптация международных норм выразилась в практических изменениях прокурорской практики, включая использование международных документов и материалов трибунала в национальных расследованиях. Это позволило формализовать процедуру взаимодействия между советскими органами

расследования и международными источниками доказательств. Внедрение элементов международного права в национальную практику способствовало повышению согласованности подходов к квалификации и расследованию тяжких международных преступлений.

Практика советской прокуратуры привела к трансформации процессуальных стандартов доказывания военных преступлений, в том числе через систематическое применение письменных документов и свидетельских показаний. «Из выступления помощника главного обвинителя от СССР Л.Н. Смирнова на заседаниях Международного Военного Трибунала в г. Нюрнберге 14, 15, 18, 19 февраля 1946 г.: Господа судьи! Моя задача состоит в том, чтобы предъявить вам письменные документы и иные судебные доказательства, свидетельствующие о совершении гитлеровскими заговорщиками тягчайших преступлений в отношении мирного населения оккупированных районов Советского Союза, Югославии, Польши и Чехословакии» [2, с. 102]. Это свидетельствовало о смещении акцента на комплексный набор доказательств, объединяющий документальные, вещественные доказательства и показания свидетелей для установления вины. Такая методология способствовала более последовательной реконструкции преступных схем и связей между руководящими решениями и конкретными деяниями.

Советская сторона на Нюрнбергском процессе выдвинула и развила юридическую концепцию агрессии как международного преступления, опираясь на предшествующие теоретические наработки и профессиональную традицию. В российском правовом дискурсе существовали основания для такого подхода, что подчеркивает историческую преемственность юридической мысли. «Профессор Г.Р. Солнцев еще в начале XIX в. сформулировал материальное определение понятия преступления, поставил на повестку дня актуальный и в наши дни и пока еще не решённый вопрос об уголовной ответственности юридических лиц, обосновал начала теории международного уголовного права применительно к военным преступлениям» [68, с. 119]. В практической аргументации советской стороны акцент делался на соотношении государственной политики с индивидуальной ответственностью, что позволяло квалифицировать агрессию как преступление международного характера. Обвинение стре-

милось показать связь между решениями руководства и совершёнными преступлениями, используя правовые конструкции, основанные на причинно-следственной связи и должностной ответственности. Такая методология способствовала переходу от фактического описания к юридической квалификации деяний как межгосударственных преступлений.

Нюрнберг также привел к формированию специфических подходов к квалификации преступлений против мира и безопасности человечества, ориентированных на выявление системности и политики, стоявшей за преступлениями. В советской практике акцент смещался на исследование общего плана действий и взаимосвязей между высшими решениями и массовыми нарушениями прав мирного населения. Это привело к выработке критериев, учитывавших как характер деяния, так и масштаб и преднамеренность преступлений, что позволяло отличать отдельные военные преступления от преступлений против человечности. Эти квалификационные подходы закреплялись в прокурорской практике и использовались при формулировании обвинений в национальных и международных процессах.

Деятельность советской прокуратуры способствовала закреплению в практике представления о персональной уголовной ответственности за преступления против человечности, применимой и в отношении деяний, совершённых вне формальной военной обстановки. Прокурорская практика фокусировала внимание на индивидуальной вине, а не исключительно на государственной ответственности, что расширяло круг подлежащих преследованию субъектов. Такое понимание способствовало формированию прецедентов, в которых лица привлекались к ответственности за массовые и систематические нарушения прав человека независимо от наличия официального статуса войны. Используемые прокуратурой подходы включали выделение признаков преступления против человечности, таких как систематичность и направленность на гражданское население, что облегчало квалификацию деяний вне контекста международного вооружённого конфликта. Практика учитывала доказательственные критерии и квалификационные признаки, что позволило применять уголовную ответственность к физическим лицам. В результате сложились правовые ориентиры, оказавшие влияние

на дальнейшее развитие международного уголовного права и национальных систем преследования.

Деятельность советских обвинителей на Нюрнбергском процессе способствовала формированию прецедента в международном уголовном праве о возможности привлечения к ответственности высших должностных лиц государства. «Он создал прецедент – суд над высшим должностным лицом государства перед международным судом. Исходя из этого, можно сделать вывод об огромном значении Нюрнбергского международного трибунала как для исторической науки, так и для международного права» [5, с.79]. Вклад советской стороны в аргументацию и доказательственную практику укрепил правовые основания для последующих международных трибуналов и развития института индивидуальной ответственности за международные преступления.

Советская прокуратура расширила практику уголовного преследования иностранных граждан за преступления, совершённые на оккупированной территории или против граждан СССР, тем самым поддерживая идеи универсальной юрисдикции. Реализация уголовных дел против иностранных лиц подчеркивала возможность национальных властей преследовать за особо тяжкие преступления независимо от гражданства обвиняемого. Такой опыт способствовал выработке процедурных и доктринальных основ, позволяющих национальным судам реализовывать универсальную юрисдикцию в отношении международных преступлений.

Советская прокуратура внедрила методики документально-подтверждения преступлений, включавшие упорядочение архивных материалов, криминалистическую обработку вещественных доказательств и стандарты фиксации свидетельских показаний. Эти инструменты обеспечивали возможность демонстрации системного характера преступных практик нацистского режима посредством сопоставления документов, протоколов и материалов об источниках массовых нарушений. Развитые методики повысили качество доказательной базы и стали важным вкладом в практику международного уголовного права в части подтверждения организованности и широты совершённых преступлений.

Участие советских прокуроров в Нюрнбергском процессе установило прецеденты квалификации геноцида и преступлений против человечности, обогатив международное право. Методики работы с массовыми преступлениями, включая систематизацию доказательств и организацию допросов, стали образцом для последующих трибуналов. Национальные судебные процессы дополнили эту практику, демонстрируя взаимодействие международных и внутригосударственных правовых механизмов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В межвоенный период истории в Европе произошло оформление радикальных правых идеологий фашистского толка и последующий приход к власти политических партий – носительниц этих идеологий. Отличительной особенностью фашизма являлся ярко выраженный расизм и ксенофобия в отношении как части населения своих государств, так и советского народа. Для осуществления данных идей государственный аппарат перестраивался на тоталитарной и (или) авторитарной основе.

В годы Великой Отечественной войны советская прокуратура, как и остальные элементы государственного механизма, столкнулась с серьезными трудностями. В условиях объективных трудностей прокуроры вполне успешно перестроили осуществление традиционных надзорных мероприятий, а также сбор доказательств и привлечение военных преступников к ответственности.

Правовым результатом Второй мировой войны стало создание нового международного права, в том числе уголовного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамошин С.В. Идейные истоки национал-социализма / С.В. Артамошин. – Брянск : БГУ, 2002. – 184 с.

2. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Гомельская область : сборник архивных документов и материалов / сост.: А.Р. Дюков [и др.] – Минск : НАРБ ; Москва : Фонд «Историческая память», 2021. – 576 с.

3. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Ленинградская область : сборник архивных документов / сост.: А.Т. Абдукарлова [и др.] ; отв. ред. А.В. Савченко. – Москва : Фонд «Связь эпох», 2020. – 499, [3] с. – (Серия «Без срока давности. Преступления нацистов и их пособников против мирного населения в период второй мировой войны : документы и материалы»).

4. Бессонов Б.Н. Фашизм: идеология, политика / Б.Н. Бессонов. – Москва : Высшая школа, 1985. – 279 с.

5. Бутырская И.Г., Нюрнбергский процесс – суд без срока давности / И.Г. Бутырская, Т.Н. Захарова, В.И. Кутузов // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. – 2024. – № 3 (64). – С. 77–85.

6. Винокуров А.Ю. К вопросу о расследовании военных преступлений, совершённых в отношении гражданского населения СССР в годы Великой Отечественной войны / А.Ю. Винокуров // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 2 (22). – С. 72–77.

7. Внедрение материалов проекта «Без срока давности» в деятельность вузов Российской Федерации : научно-методические материалы : учебное пособие / авт. кол.: Н.А. Ильина (рук. кол.), Л.В. Алиева (отв. ред.), Н.В. Большакова [и др.] – Псков : Логос, 2022. – 228 с.

8. Военная прокуратура Красной Армии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Учебное пособие. В 3 т. Т. 2. Военные прокуратуры дивизий, военных округов. Военные про-

куратуры железнодорожных войск, войск НКВД СССР по охране тыла фронта / С.В. Маликов, И.В. Мишуткин, А.С. Сливков [и др.]. – Москва : Военный университет Минобороны России, 2021. – 448 с.

9. Галактионов Ю. В. Германский фашизм как феномен первой половины XX века: отечественная историография 1945–90-х годов : учебное пособие / Ю. В. Галактионов. – Кемерово : КемГУ, 1999. – 100 с.

10. Галкин А.А. Германский фашизм / А.А. Галкин. – Изд. 2-е, доп. – Москва : Наука, 1989. – 352 с.

11. Гобино Ж.А. де. Опыт о неравенстве человеческих рас / Ж.А. де Гобино. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 765 с. – (Библиотека «Одиссей»).

12. Гурина О.А. Прокурорский надзор за соблюдением законности в деятельности судебных органов в годы Великой Отечественной войны / О.А. Гурина // Вестник магистратуры. – 2019. – № 10-1 (97). – С. 82–85.

13. Деревскова В.М. Общенадзорная деятельность территориальной прокуратуры в условиях тыла в годы Великой Отечественной войны (на примере прокуратуры Иркутской области) / В.М. Деревскова // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2020. – № 2. – С. 102–109.

14. Деревскова В.М. Основные направления деятельности территориальной прокуратуры в условиях тыла в годы Великой Отечественной войны (на примере прокуратуры Иркутской области) / В.М. Деревскова // Сибирский юридический вестник. – 2020. – № 3. – С. 10–17.

15. Димитров Г. Наступление фашизма и задачи Коммунистического интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма : доклад и заключительное слово на VII Конгрессе Коммунистического интернационала / Г. Димитров. – Москва : Партиздат, 1935. – 128 с.

16. Ипатова О.В. Политика немецко-фашистских оккупантов на брестчине в области экономики, культуры, образования и медицины / О.В. Ипатова // Вестник Брестского государственного технического университета. – 2010. – № 6. – С. 21–25.

17. История фашизма в Западной Европе / Г.С. Филатов, В.Д. Ежов, Б.Р. Лопухов [и др.] ; редкол.: Г.С. Филатов (отв. ред.) [и др.] – Москва : Наука, 1978. – 613 с.

18. Кей А. Империя истребления. История массовых убийств, совершённых нацистами / А. Кей. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2024. – 528 с.

19. Ковалёв Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации / Б.Н. Ковалёв. – Москва : Молодая гвардия, 2011. – 618,[1] с.

20. Кожевников М.В. Пути развития советской прокуратуры / М.В. Кожевников // Ученые записки МГУ. – 1950. – Вып. 147. Труды юридического факультета, кн. 5. – С. 17–145.

21. Космач В.А. Трактовка фашизма в историографіи 20–40-х гг. и второй половины XX века / В.А. Космач // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава. – 2000. – № 4 (18). – С. 136–144.

22. Красноженова Е.Е. Северо-Запад РСФСР в период немецко-фашистской оккупации (1941–1944 годы) / Е.Е. Красноженова // Исторический курьер. – 2020. – № 3. – С. 6–11.

23. Краус Т. Венгерские войска и нацистская истребительная политика на территории Советского Союза / Т. Краус, Е.М. Варга // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2015. – № 1 (6). – С. 73–96.

24. Куломаа Юкка. Финская оккупация Петрозаводска, 1941–1944 / Ю. Куломаа ; науч. ред. и ред. пер. Ю.М. Килин. – Петрозаводск : А.Н. Ремизов, 2006. – 277 с.

25. Лебедева Н.С. Подготовка Нюрнбергского процесса / Н.С. Лебедева ; АН СССР, Институт всеобщей истории. – Москва : Наука, 1975. – 238 с.

26. Макарова Л.М. Идеология германского национал-социализма: социально-политический анализ : автореф. дис. канд. ... ист. наук / Макарова Любовь Михайловна. – Казань, 2005. – 24 с.

27. Манн М. Фашисты / М. Манн. – Санкт-Петербург : Питер ; Фонд «Историческая память», 2023. – 592 с.

28. Мещеряков Н.Л. Последняя форма буржуазной диктатуры / Н.Л. Мещеряков // Мировой фашизм : сборник статей / под ред. Н. Мещерякова. – Москва : Госиздат, 1923. – С. 7–68.

29. Могильницкий Б.Г. Американская буржуазная «психология» : критический очерк / Б.Г. Могильницкий, И.Ю. Николаева, Г.К. Гульбин. – Томск : Томский ун-т, 1985. – 273 с.

30. Мотревич В.П. Осуждённые иностранные граждане в Свердловской области в 1949–1955 годах / В.П. Мотревич // Проблемы истории общества, государства и права : сборник научных трудов. – Вып. 2. – Екатеринбург : УрГЮА, 2014. – С. 323–344.

31. Мухаммадиев И.С. Борьба с незаконной торговлей хлебов, зерном, продовольственными и промышленными карточками в годы Великой Отечественной войны / И.С. Мухаммадиев // Ученые записки Хунджандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – 2011. – № 2 (26). – С. 194–206.

32. Мухаммадиев И.С. Борьба органов прокуратуры Таджикистана со спекуляцией в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / И.С. Мухаммадиев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 6–1. – С. 248–251.

33. Мухаммадиев И.С. Изменение задач и характера деятельности судебно-прокурорских органов в центре и на местах в связи с началом Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / И.С. Мухаммадиев // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 1. – С. 240–244.

34. Мухаммадиев И.С. Прокурорский надзор и борьба с детской безнадзорностью и беспризорностью в годы Великой Отечественной войны / И.С. Мухаммадиев // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 38–51.

35. Мухаммадиев И.С. Снабжение армии и флота всем необходимым в годы Великой Отечественной войны и надзорная деятельность прокуратуры Таджикской ССР / И. С. Мухаммадиев // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 8. – С. 19–27.

36. Нольте Э. Фашизм в его эпохе / Э. Нольте. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001. – 568 с.

37. Павлов В.С. Изменения в деятельности советской прокуратуры в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / В.С. Павлов // Инновационная наука. – 2015. – Т. 2, № 6 (6). – С. 196–198.

38. Пасс А.А. Экономическая преступность в годы Великой Отечественной войны (по страницам журнала «Социалистическая законность» 1941–1945 гг.) / А.А. Пасс // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2019. – Т. 19, № 2. – С. 29–34.

39. Пушкаренко Е.А. Феномен квазигосударственности: немецкая пропаганда в области национально-государственного строительства (на материалах Генерального округа Беларусь) / Е.А. Пушкаренко // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. – 2022. – № 4. – С. 45–54.

40. Радкау Й. Эпоха нервозности. Германия от Бисмарка до Гитлера / Й. Радкау. – Москва : Высшая школа экономики, 2017. – 552 с.

41. Райх В. Психология масс и фашизм / В. Райх. – Санкт-Петербург ; Москва : Университетская книга : АСТ, 1997. – 381 с.

42. Родин С.Ю. Геноцид народов Советского Союза – преступление без срока давности в материалах и документах судебного процесса в Ленинградской области / С.Ю. Родин, П.В. Игнатьев ; под общ. ред. С.А. Жуковского. – Санкт-Петербург : Астерион, 2024. – 160 с.

43. Сидорова Е.А. Аграрная политика оккупационных властей Германии на территории Ленинградской области, 1941–1944 гг. / Е. А. Сидорова // Вестник СПбГУ. Серия 2. – 2014. – Вып. 4. – С. 189–195.

44. Сеницын Ф.Л. Планы германских нацистов в отношении народов СССР (1925–1941) / Ф.Л. Сеницын // История международных отношений. – 2014. – № 4. – С. 566–570.

45. Сирота Н.М. Идеология и политика / Н.М. Сирота. – Москва : Аспект Пресс, 2011. – 216 с.

46. Туз А. Цена разрушения. Цена и гибель нацистской экономики / А. Туз. – Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. – 864 с.

47. Филоненко В.С. Деятельность прокуратуры Воронежской области по расследованию дел о воинских преступлениях в 1941–1942 гг. / В.С. Филоненко // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2010. – Вып. 13, № 1 (72). – С. 191–196.

48. Хаяли Р.И. Восстановление органов прокуратуры на освобождённых от немецко-фашистских захватчиков территориях в годы Великой Отечественной войны / Р.И. Хаяли // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2020. – № 5 (79). – С. 107–112.

49. Чемберлен Х.С. Основания девятнадцатого столетия. В 2 т. / Х.С. Чемберлен ; пер. с нем. Е.Б. Колесниковой. – Санкт-Петербург : Русский Мир, 2012. – 2 т.

50. Ширер У. Взлет и падение Третьего Рейха / У. Ширер ; пер. с англ. под ред. О.А. Ржешевского. – Москва : АСТ, 2024. – 1216 с.

51 Широкова А.А. Особенности деятельности советской прокуратуры по осуществлению общего надзора в годы Великой Отечественной войны / А.А. Широкова // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – № 1. – С. 169–170.

52. Шорников П.М. Состоялось ли наказание румынских военных преступников? / П.М. Шорников // Русин. – 2012. – № 2 (28). – С. 77–94.

53. Эко У. Вечный фашизм // Пять эссе на темы этики / У. Эко ; пер. с итал. Е. Костюкович. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 2000. – С. 49–80.

54. Юдин Т.И. Евгеника. Учение об улучшении природных свойств человека / Т. И. Юдин. – 2-е изд. – Москва : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1928. – 288 с.

55. Яцеленко Б.В. Историческое произведение профессора А.В. Наумова как явление отечественной правовой культуры / Б.В. Яцеленко // Вестник. – 2020. – № 4. – С. 118–121.

56. Griffin R. The nature of fascism / R. Griffin. – London : Routledge, 1991. – 249 p.

Учебное издание

Алексей Валерьевич ЕРЁМИН
кандидат исторических наук

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
1941–1945 гг.:
БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ

Учебное пособие

Редактор *О.Е. Тимощук*
Компьютерная правка и верстка *И.А. Щербаковой*

Подписано в печать 30.12.2025. Формат 60х90/16
Печ. л. 4,75. Тираж 500 экз. (1-й з-д 1—60). Заказ 38/25

Отдел научной информации и издательской деятельности
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Отпечатано в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале)
Университета прокуратуры Российской Федерации
191014, Санкт-Петербург, Литейный просп., 44